

Санкт-Петербургское общество “Мемориал”

Вестник “МЕМОРИАЛА”
№ 2 (8)

Научно-информационный центр “Мемориал”
Санкт-Петербург
1993

Санкт-Петербургское общество “Мемориал”

Вестник “МЕМОРИАЛА”
№ 2 (8)

Научно-информационный центр “Мемориал”
Санкт-Петербург
1993

Бывшие политзаключенные и
члены петербургского "Мемориала" –
кандидаты в Федеральное
собрание России:

Кандидаты по общефедеральному округу от
избирательного объединения "Выбор России":

МОЛОСТВОВ Михаил Михайлович,
(политзаключенный 1958-1965),
бывший член Верховного Совета РФ

ПУСТЫНЦЕВ Борис Павлович,
(политзаключенный 1957-1962),
сопредседатель петербургского "Мемориала", председатель правоза-
щитной комиссии "Мемориала" и общественного объединения
"Гражданский контроль".

Кандидаты по территориальным округам:

КОСАРЕВ Вадим Николаевич,
(политзаключенный 1957-1960),
руководитель Северо-Западного регионального представительства
рабочего центра по экономической реформе при Правительстве РФ

ЕВДОКИМОВ Ростислав Борисович,
(политзаключенный 1982-1987),
член Совета НТС

РЫБАКОВ Юлий Андреевич,
(политзаключенный 1976-1982),
председатель комиссии по правам человека Петросвета

ВДОВИН Юрий Иннокентьевич,
член общества "Мемориал", председатель комиссии по свободе слова
и средствам массовой информации Петросвета.

“Мемориал” на пороге нового времени.

Похоже, что у нас на глазах происходит “последний и решительный бой” между коммунистами и бывшими коммунистами. Коммунистическая и советская идеи сами изживают себя. Смерть - другая сторона рождения, и потому неудивительно, что режим, начавшийся со штурма Зимнего и незаконного разгона Учредительного собрания, кончается штурмом Белого дома и столь же незаконным разгоном советов. Это не удивительно, так как антикоммунизм, под знаменами которого происходят эти драматические события, много позаимствовал от своего противника, и политические деятели сегодняшнего дня почти все родом все из того же коммунистического прошлого, пройдя в ней курс большевистского политического воспитания. А потому нас не должно удивлять, что некомпетентность и безответственность были характерны для обеих сторон конфликта, только у советов, как у стороны исторически обреченной, их было больше.

Разумеется, мы заведомо не могли сочувствовать “непримиримой оппозиции”, которая откровенно готовила стране политический террор, и нас радует ее поражение. “Волкодав прав, а людоед нет” - это мы помним издавна. Однако, все это еще не конец. Силы коммунистического реванша отступили в регионы, где руководство состоит все из той же номенклатуры, и внутрь исполнительной власти, куда перешли работать деятели разогнанного совета, и нет сомнения, что после некоторой перегруппировки они снова пойдут в наступление. А президентская власть, сама восходя к этим же номенклатурным истокам, изнутри себя никак не может освободиться от этого наследия.

Нас, в “Мемориале”, прежде всего тревожит усиление роли полицейских органов в результате произошедших событий. Очередной раз продемонстрировав свою никчемность и ненадежность (опять решающая роль оказалась у безоружных граждан теперь уже у Моссовета, а вооруженные всем, чем угодно, спецсилы опять ждали, куда подует ветер), они опять будут самоутверждаться за наш счет с помощью произвола и насилия. Обычно за такими очевидными провалами следуют фальсифицированные дела и полицейский произвол, с помощью которых они доказывают свою необходимость. Сообщения о беспределе милиции уже поступают, сообщения о разоблачении госбезопасностью жуликов средней руки тоже. Ордена “за личное мужество” уже вручены. Все в порядке.

Повторим еще раз. Мы за немедленный роспуск госбезопасности не потому, что они замешаны в преступлениях прошлого (а они замешаны в преступлениях прошлого), и не потому, что они безответственны и аморальны (обратите внимание хотя бы на многочисленные публикации о том, как раньше они перебежали к иностранным спецслужбам, а нынче в организованную преступность), а потому, что это просто очень плохая полиция, всей своей историей приученная не решать реальные проблемы, а придумывать искусственные. Стране сейчас действительно нужна сильная федеральная полиция, и нынешнее МБРФ просто занимает чужое место. Надежда нынеш-

ней власти умиротворить их заигрываниями и подачками тщетна. Они всегда служили только своим собственным интересам, а не интересам страны. Сколько нужно еще арестовать министров безопасности, чтобы это стало ясно?

Приближаются новые выборы. Мы уже видели, к чему ведет политический аморализм и безответственность, и потому будем продолжать основывать свой выбор не столько на политических взглядах кандидатов, сколько на их моральных качествах. В полном соответствии с "Нравственными принципами Мемориала" А.Д.Сахарова. По крайней мере за бывшего нашего депутата в ВС России М.М.Молостова нам сегодня не стыдно.

В.Иофе

Санкт-Петербургский городской совет народных депутатов

Санкт-Петербургскому
историко-просветительному
обществу "Мемориал"

Пять лет назад в нашем городе было создано историко-просветительное общество "Мемориал", объединяющее жертв политических репрессий, тех, кому дороги нравственные принципы, права и свободы человека. Именно "Мемориалу" принадлежит ведущая роль в восстановлении прав жертв репрессий, в объединении людей, вставших на защиту демократических свобод.

В 1989-1990 годах "Мемориал" был вместе с теми, кто не захотел возврата к прошлому и защитил демократический путь развития России.

Благодаря целенаправленной и активной деятельности "Мемориала" в октябре 1991 года Верховным Советом Российской Федерации был принят Закон "О реабилитации жертв политических репрессий". За пять минувших лет "Мемориал" осуществил большую работу по увековечению памяти невинно расстрелянных на Левашовской пустоши и проведению конкурса на лучший проект памятника жертвам политических репрессий.

Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов выражает сердечную благодарность благотворительному историко-просветительному правозащитному обществу "Мемориал" за большую работу, постоянную помощь и поддержку в осуществлении демократических преобразований в нашем городе.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ЮБИЛЕЕМ И ЖЕЛАЕМ НОВЫХ
ДОБРЫХ ДЕЛ ВО ИМЯ ПРОЦВЕТАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РОССИИ.**

Крепкого Вам здоровья и личного счастья!

Председатель Санкт-Петербургского
городского Совета народных депутатов   А.Р.Беляев

Хроника "Мемориала" - лето 1993 г.

28 мая

5 лет "Мемориалу".

В Лиговском народном доме (бывший ДК железнодорожников) прошло торжественное собрание Петербургского "Мемориала", посвященное его пятилетию

Собрание вела Е.М.ПРОШИНА, стоявшая в 1988 году у самых истоков нашей организации. Было зачитано приветствие от Председателя Петросовета А.БЕЛЯЕВА (публикуется в номере), в выступлениях подводились итоги пройденного "Мемориалом" пути. Запоминающимся было обращение директора Народного дома К.ИЗМАЙЛОВА, которому "Мемориал" особенно благодарен за всемерную помощь все эти годы (именно в ДК железнодорожников проводились "Недели совести" и первые массовые мероприятия "Мемориала").

31 мая - 2 июня

Конференция.

В Зеленом зале Российского института истории искусств под эгидой общества "Мемориал", НИЦ "Мемориал" и Российского государственного исторического архива прошла конференция "Исторический путь православия в России после 1917 года". Независимый оргкомитет конференции (И.В.Полтавская) по просьбе о.Иоанна Мейендорфа посвятил конференцию памяти о.Александра Шмемана (США) в связи с десятилетием со дня смерти этого известного религиозного писателя. Конференция была созвана в продолжение и развитие темы конференции 1992 года "Судьба Русской Православной Церкви в 20-30-е гг. XX века", проведенной обществом "Мемориал" и НИЦ "Мемориал" и посвященной теме репрессий церкви.

От НИЦ "Мемориал" доклад на тему "Особенности государственной религиозной политики в СССР в 30-е годы" сделал М.В.ШКАРОВСКИЙ. Вели конференцию М.В. ШКАРОВСКИЙ и Д.А.МАЧИНСКИЙ.

5 июня

День памяти погибших.

Ежегодно, начиная с 1990 года, в первую субботу июня (по инициативе Н.А.КОНСТАНТИНОВОЙ) "Мемориал" проводит траурную церемонию в память погибших в стенах "Большого дома". В 12.00 после минуты молчания и краткого выступления Е.М.ПРОШИНОЙ в Неву с берега у спуска пр.Чернышевского были опущены цветы в память безымянных погибших внутри Большого дома. Цветы были опущены в воду и с подошедшего катера, который привел на место церемонии бывший политзаключенный О.ВОЛКОВ. От набережной участники дня памяти на автобусах

были доставлены к закладному камню памятника жертвам политических репрессий на Троицкой площади, а затем на Левашовское кладбище, где состоялось возложение венков к памятным знакам и короткий митинг.

19 июня

НИЦ "Мемориал" посетил Р.КОНКВЕСТ (Станфордский университет, США), автор известной книги "Большой террор", (вышедшей в США в 1968 году). Р.КОНКВЕСТ ознакомился с архивом "Мемориала". Эта встреча состоялась в развитие отношений "Мемориала" со Станфордским университетом и Гуверовским институтом, установленных И.И.СЛАВИНОЙ во время ее частной поездки в США в 1992 году.

19 - 26 июня

Традиционные "Дни памяти" узников Соловецкого лагеря.

"Дни памяти" проводятся Соловецким музеем-заповедником ежегодно, начиная с 1989 года. В этом году они совпали с 70-летием со дня первого этапа на Соловки в 1923 году. Митинг в день 70-летия открытия лагеря был как никогда многолюдным. На пятые Дни Памяти собралось около 100 человек бывших заключенных, их родственников, представителей Московского и Петербургского Мемориалов, сотрудников Соловецкого Музея и местной администрации.

На Соловки прибыли две организованные группы - 32 человека из Москвы (отв. КОЗЛОВА Е.И., Московский "Мемориал"), чья поездка была обеспечена московским "Мемориалом", и 40 человек из Петербурга, Могилева, Иваново, Красноярска, Минска (отв. РЕЗНИКОВА И.А., Петербургский НИЦ "Мемориал"), чье участие в Днях Памяти было обеспечено Петербургским НИЦ "Мемориал" в рамках программы изучения истории Соловецких лагерей.

21 июня

Награждение.

В посольстве Венгерской республики в Москве президент Венгрии Арпад ГЕНЦ вручил правительственные награды бывшим членам подпольной группы Трофимова, осужденным в Ленинграде 19 сентября 1957 года за распространение листовок против вторжения советских войск в Венгрию в ноябре 1956 года. В.ТРОФИМОВ, Б.ПУСТЫНЦЕВ, В.ПЕТРОВ, И.ПОТАПОВ награждены офицерскими крестами ордена Венгерской республики, А.АЛЕКСАНДРОВ и Б.ХАЙБУЛИН "Медалью 1956 года". (интервью с Б.ПУСТЫНЦЕВЫМ см. в номере).

30 июня

Собрание бывших политзаключенных Ленинграда.

Созвано бюро 3-й секции "Мемориала" и посвящено беспрецедентному отказу в реабилитации 17 человекам, осужденным по ст.70 ч.1, 72 в 1968 году. На собрании было принято обращение к Президенту и в Президиум ВС РФ. (публикуется в номере).

5 - 10 июля

Экспедиция в д.Сухое.

Экспедиция организована по просьбе президента общества аэро-исторических исследований (Бетел, США) Вацлава МАЛЫШЕВСКОГО в связи с имеющимися в США свидетельствами о существовании лагерей польских военнопленных около д.Сухое (Окуловский район Новгородской области) летом 1941 года и наличии мест массовых захоронений в этом районе. В НИЦ "Мемориал" были присланы копии аэрофотоснимков, сделанных немецкой авиацией в октябре 1941 года, на которых были отмечены места возможных захоронений.

В экспедиции участвовало 6 человек. Руководили поиском Н.С.КРУК ("Мемориал") и М.С.БУДКЕВИЧ (Ассоциация жертв репрессий, ведущая в НИЦ "Мемориал" тему "Репрессированные поляки"), приняли участие: Б.С.МИРКИН и В.С.ХРОМЕНКОВ (оба из "3-ей секции Мемориала") и мемориальская молодежь: С.ЧУЙКИНА и А.РЕЗНИКОВА. Подробно опрошено 15 местных жителей из шести прилегающих деревень, найдены на местности и осмотрены места предполагаемых захоронений. Установлено, что в июле 1941 года в район д.Сухое действительно прибыл этап в 11 тысяч заключенных для рытья противотанковых рвов и был размещен в четырех точках (без наземных построек). После окончания работ, в августе 1941 года заключенные были выведены. Присутствие среди них военнопленных поляков свидетели не подтверждают, однако выяснилась интересная для нас подробность - этап был из Бокситогорского лагеря, о котором "Мемориал" располагает самыми скудными сведениями, т.к. документация по лагерям Ленинградской области не сохранилась (см. публикуемый в этом номере "Вестника" документ НКВД). Предполагаемые расстрельные места захоронений также не подтвердились, однако болото, куда сбрасывали тела погибших от голода, болезней и непосильного труда во время строительства рвов, обнаружено (в свое время было отгорожено местными жителями, чтобы не пускать туда скот).

июль

Лекарственное обеспечение.

С середины июля началась регулярная работа группы лекарственного обеспечения комиссии социальной помощи (до этого времени обеспечение "Мемориала" лекарствами производилось на нерегулярной основе). Рабочая группа: И.Л.ЗАБОРСКАЯ,

И.Я.КВЯТКОВСКАЯ, которым помогает Роланд РАУШ (доброволец из Германии), производят сбор и обработку рецептов, определяют их медицинскую обоснованность (для этого привлекается медицинская комиссия из 8 человек) и производят заказы и закупку лекарств, как отечественных, так и немецких с помощью "Общества друзей Мемориала" в Германии. Разумеется, что обеспечение потребностей членов общества (а подано уже более 1000 рецептов) при всем известной дороговизне лекарств у нас и в Германии существенно сдерживается нашими ограниченными финансовыми возможностями, тем не менее поступление лекарств первой необходимости удалось пока наладить.

Июль

Регистрация "Общества поддержки Санкт-Петербургского "Мемориала"".

Организация граждан ФРГ с таким названием зарегистрирована в Берлине. Основная цель общества - популяризация идей "Мемориала" в Германии и проведение благотворительных акций (сбор пожертвований, закупка и доставка лекарств и т.п.) в поддержку нашего общества. Основали эту организацию жители Германии, уже несколько лет сотрудничающие с "Мемориалом".

22 июля

Рабочая коллегия.

Основная тема - подготовка Правления по вопросу о продолжении членства "Мемориала" в ДемРоссии. Основание для постановки вопроса - появление в печати заявлений от имени ДемРоссии, не согласованных с "Мемориалом" (прежде всего имеется в виду заявление пресс-центра ДемРоссии о безусловной поддержке кандидатуры А.А.Собчака на будущих выборах). Во время дискуссии были высказаны также претензии к руководству ДемРоссии о невыполнении обязательств перед "Мемориалом" о предоставлении необходимых для работы общества помещений в здании на Измайловском д.8.

29 июля

Правление "Мемориала".

О членстве "Мемориала" в ДемРоссии. Присутствовал сопредседатель правления ДемРоссии Г.ТОМЧИН. После длительной дискуссии Правление решило (11 голосами против 3) членство в ДемРоссии сохранить, но делегатам "Мемориала" в Совете представителей довести до сведения Совета представителей претензии "Мемориала" к руководству движения.

30 июля - 8 августа

Поездка в Дахау.

По приглашению музея концлагеря в Дахау (Германия) "Мемориал" направил делегацию на 11-ый международный молодежный семинар по сохранению памяти о фашизме. (В Германии полагают, что к этим проблемам необходимо в первую очередь привлекать молодежь). В семинаре приняли участие: Н.Г.ВЛАДИМИРОВ (бывший узник Дахау), студенты Д.ГРИГОРЬЕВ, М.РАЗУВАЕВ и В.ШАПОВАЛОВ (от хозяйственной комиссии работавшие в летнем трудовом лагере), и студент-юрист ЛЛЕВНЕВ, который должен помогать нашей правозащитной комиссии. Поездка осуществлена в рамках подготовки международного семинара по истории фашизма, который "Мемориал" и ТОО "Дидакт" предполагают организовать в нашем городе зимой.

3 августа

Пресс-конференция "Мемориала"

В Доме журналистов на тему об отказе Верховного Суда РФ в реабилитации 17 членам организации ВСХСОН ("Всероссийский Социал-Христианский Союз освобождения народа"), осужденным Ленгорсудом в 1968 году по статьям 70, 72 УК РСФСР (= ст.58-10, 11 старого кодекса). Это первое, известное нам, прямое нарушение положений Закона о реабилитации от 18.10.91, и "Мемориал" придал этому случаю самую широкую огласку. В пресс-конференции приняли участие от "Мемориала" Б.ПУСТЫНЦЕВ и В.ИОФЕ, выступали также от прокуратуры города Н.ВИННИЧЕНКО, сказавший, что Ленпрокуратура к этому решению отношения не имела и свое мнение о необходимости реабилитации в этом деле высказывала, и известный адвокат Ю.ШМИДТ, выступали члены ВСХСОН А.СУДАРЕВ, М.САДО, Е.ВАГИН, А.МИКЛАШЕВИЧ. На следующий день "Мемориалом" было организовано телеинтервью с руководителем ВСХСОН И.ОГУРЦОВЫМ (на эту тему см. статью Р.ЕВДОКИМОВА в номере).

7 - 15 августа

Экспедиция на Соловки

Экспедиция НИЦ "Мемориал" проводилась в рамках программы исследований по теме "История СЛОН". Экспедиция работала на Большом Соловецком острове (район Филимоново, мыс Толстики, острова Долгой губы), на о.Малая Муксалма и на Анзере.

Найдена на местности и нанесена на карту последняя из 68 лагерных командировок - л/п "Пушхоз". (см.отчет в номере)

10 - 30 августа

Летний трудовой лагерь.

Уже третий год подряд "Мемориал" организует летний трудовой лагерь для добровольцев из немецкой организации "Акция ис-

купления - Служба мира", работающих в странах, пострадавших от немецкой оккупации. Группа из 24 человек (в том числе 7 молодых людей от хозяйственной комиссии "Мемориала") работала на реставрации Ольгина и Царицына павильонов в Петродворце, разрушенных во время войны. Как известно, "Акция искушения" - организация, оказывающая в свою очередь дружескую поддержку мероприятиям "Мемориала" в Германии (в том числе по сбору средств).

16 - 26 августа

**Экспедиция НИЦ "Мемориал"
по бывшим зонам Свирлага.**

В экспедиции приняло участие 7 человек. Опрошено несколько десятков старожилов, в основном, в окрестностях пос.Важины, рассказавших ряд подробностей жизни лагеря; обнаружены следы шести зон; собраны экспонаты для будущего музея "Мемориала", установлены по указаниям местных жителей в Согиницах и в Важинах места захоронения зеков. Большая часть времени ушла на обследование пос. Важины и окрестных деревень: Курпово, Ульино, Купецкое, а также Согиниц. Кроме того экспедиция была в Ревсельге, в урочище Мандрога, на р.Важинке и р.Мужале. В экспедиции принимали участие: ХРОМЕНКОВ В., МИРКИН Б., ВЕРБЛОВСКАЯ И., ДОЛИНИН В. (все из "3-ей секции"), ТУРОВСКАЯ С., ПУШНИЦКИЙ М., ПИЛАТОВА М.

23 - 29 августа

**Поездка в Венгрию членов
подпольной группы Трофимова.**

Поездка состоялась по приглашению Президента Венгерской республики Арпада ГЕНЦА (бывшего политзаключенного 1956 - 62 гг). В поездке приняли участие бывшие политзаключенные Дубровлага, а ныне кавалеры Офицерского креста ордена Венгерской Республики: В.ТРОФИМОВ, Б.ПУСТЫНЦЕВ, И.ПОТАПОВ, В.ПЕТГОВ.

август

Поступление партии лекарств из Швейцарии.

Эти лекарства передал комиссии по социальной помощи швейцарский гражданин Патрик КОНРАД, которые незадолго перед этим провел у себя на родине благотворительную акцию по сбору лекарств для "Мемориала". (см. заметку "Лекарства для "Мемориала")

5 сентября

75 лет "красного террора".

В этот день, как и в прошлые годы, "Мемориал" провел митинг у закладного камня на Троицкой площади. 5 сентября 1918 года

Совнарком принял декрет о массовых расстрелах, узаконив тем самым систему массовых репрессий, уже сложившуюся в стране и ставшую нормой на долгие годы. Выступавшие говорили о том, что идея "красного террора" еще не ушла в прошлое, еще и сегодня имеется много сил, готовых снова запустить машину уничтожения людей, и наша роль, как хранителей памяти страны, должна быть важной. Вел митинг Б.ПУСТЫНЦЕВ, выступали И.СОШНИКОВ и В.САВИЦКИЙ (от ДемРоссии), наши члены Д.БОГОМОЛОВ и ЛЛЕМБЕРИК. К закладному камню были возложены цветы и венок с надписью "Жертвам красного террора от Петербургского "Мемориала".

Наши ветераны

Хочется через "Вестник" написать несколько слов нашему обществу "Мемориал".

Я в "Мемориале" с 1988 года, почти с самого его возникновения. Это был второй самый скорбный год в моей жизни. Первый был в 1938 году, когда был расстрелян мой муж - Николай Альбертович Юнг. Через 50 лет, в 1988 году ушел из жизни в возрасте 55 лет мой сын Виктор Юнг. Я очень переживала, не хотелось больше жить. В это время я узнала о создании общества "Мемориал". Я активно включилась в его работу, возглавляя несколько лет ревизионную комиссию. Находясь рядом с единомышленниками, людьми, пережившими такую же трагедию, как и я, я легче могла переносить свое горе. "Мемориал" согревал мне и многим душу.

Я верю, что "Мемориал" своим существованием всегда будет напоминать людям о трагических событиях нашей истории. Напоминать для того, чтобы в будущем не повторялись произвол, незаконные и репрессии против ни в чем не повинных людей и инакомыслящих. Моя жизнь так складывается, что я уезжаю с внучкой в США. Но сердце и мысли останутся в России, в Санкт-Петербурге с родными и близкими, и с вами, друзья. Мне 86 лет, сомневаюсь, что в таком возрасте я снова смогу приехать сюда. Но моя дочь, Гернина, собирается приехать, здесь остается внук Алексей и правнуки Таня и Игорь. Ради всех их прошу сохранить все материалы и документы о моем муже Юнге Н.А., их отце, деде и прадеде, переданные мною "Мемориалу" для музея-архива.

Желаю "Мемориалу" и всем членам общества долголетия.

июль 1993 года

ТЕМКИНА Елизавета Михайловна

Они не отступают!

В Президиум Верховного Совета РСФСР

Обращаемся к Вам в связи с решением Верховного Суда РФ N78 н.с.93-1 от 21.04.93 по делу о реабилитации группы лиц, осужденных в 1968 г. Ленгорсудом по ст.70 УК РСФСР. Верховный Суд отказал в реабилитации Платонову Вячеславу Михайловичу, Иванову Николаю Викторовичу, Устиновичу Сергею Сергеевичу, Бочеварову Георгию Николаевичу, Коносову Михаилу Борисовичу, Миклашевичу Александру Андреевичу, Бузину Юрию Сергеевичу, Нагорному Валерию Ивановичу, Забаку Ольгерту Петровичу, Баранову Юрию Петровичу, Шувалову Олегу Николаевичу, Бородину Леониду Ивановичу, Ивойлову Владимиру Федоровичу, Сударсву Анатолию Ивановичу, Ивлеву Анатолию Георгиевичу, Веретеннову Анатолию Федоровичу и Константинову Станиславу Владимировичу.

18 октября 1991г. Верховный Совет РФ принял Закон о реабилитации жертв политических репрессий. По этому Закону лица, осужденные по ст.70 УК РСФСР, подлежат безусловной реабилитации. Вопреки точному смыслу этого закона Верховный Суд в такой реабилитации в данном случае отказал. Это решение Суда противоречит закону и международным обязательствам нашей страны в области прав человека. Мы требуем отмены этого решения как незаконного. Сам факт рассмотрения этого дела в Верховном Суде представляет собой откровенное нарушение существующего законодательства, так как Закон от 18.10.91 возлагает рассмотрение таких вопросов на прокуратуру, куда и обращались заявители.

Принято на собрании бывших политзаключенных г.Санкт-Петербурга 30.06.93

Председатель собрания
Секретарь

(Левин Ю.Л.)
(Климанова Л.В.)

Ростислав Евдокимов-Вогак

А судьи кто?

3 августа в петербургском Доме журналистов состоялась несколько необычная пресс-конференция. Бывшие политзаключенные, руководители петербургского отделения общества "Мемориал", журналисты пришли, чтобы обсудить тревожное событие: отказ группе осужденных в 1968 году за "антисоветскую деятельность" в реабилитации. Речь идет о членах ВСХСОН - Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа, одной из первых устойчивых послесталинских антикоммунистических организаций, возникшей в начале 1964 года и разгромленной в феврале 1967 года.

Некоторое время тому назад трое членов организации получили справки о реабилитации. Вскоре были поданы документы на всех 17 человек, осужденных по этому делу по печально известной 70 статье УК РСФСР. Однако в марте Верховный Суд России признал их действия якобы попадающими под нынешнюю редакцию этой статьи и в реабилитации отказал. Почему так получилось? По объяснению представителя прокуратуры Николая Александровича Винниченко, первых трех реабилитировали по месту жительства в Санкт-Петербурге, но затем появился запрос от неназванного им представителя прокуратуры России, и дело всей группы было передано в Москву. Согласно действующим нормам, в Верховный Суд дело могло попасть только в случае предварительного отрицательного заключения прокуратуры. Значит, там и следует искать козлы. Парадоксальность положения еще и в том, что теперь считаются как бы ошибочно реабилитированными и первые трое, хотя отмена подобных актов законом не предусмотрена. Получается, что каждый, кто когда-либо был оправдан или реабилитирован, имеет основание в любой момент опасаться произвольной репрессии. И это при том, что по Закону осужденные по 70-ой статье подлежат реабилитации автоматически, т.е. вообще без рассмотрения дела по существу.

За что же такая немилость? Она не случайна. Как справедливо заметил на пресс-конференции известный петербургский адвокат Юрий Маркович Шмидт, ныне действующая процедура политической реабилитации по существу оскорбительна. Она сводится к выдаче справки на право компенсации. То есть, она эквивалентна заявлению карательной власти: "теперь за это не судим", "теперь об этом говорить можно", "ошибочка вышла", "следствие закончено - забудьте". Но смысл реабилитации совсем не в этом. Смысл реабилитации в том, чтобы, рассмотрев политические приговоры именно по существу, судебная власть заявила, что обвиняемые осуждены не ошибочно, а сознательно и преступно. Они действительно совершили все, в чем их обвиняли, но это было исполнение гражданского долга, и как настоящие граждане великой страны они и должны были так поступать. Это власть была преступной, преступными были действия следователей, прокуроров и судей, преступными были сами законы. Да, Николай Гумилев, вероятно, был участником "таганцевского заговора". Так честь ему за это и слава. И если Канегиссер застрелил Урицкого, то памятник надо ставить ему, а не председателю ПетроЧК. Из-за отсутствия такой установки и оказалось возможным заниматься бессмысленными рассуждениями на тему: собирались ли члены ВСХСОН насильственным путем свергать бандитскую власть? (Основанием для этого послужило изъятие у одного из них маузера 1898 года).

В 1976 году издательство "Посев" в серии "Вольное слово" выпустило брошюру с материалами суда над руководителями организации. Процессуальным нарушением был уже сам факт разделения одного дела на два процесса. Реально осуществленные действия были у всех одними и теми же: принятие программы, в которой они "провозгласили ликвидацию КПСС, вооруженное свержение социалистического строя и захват власти в стране", и деятельность в этом направлении - "изготовление и распространение" книг Бердяева,

Франка, Федотова и других русских мыслителей и историков, "организационная деятельность". Что касается "пасильственного свержения"... Вот показания руководителя ВСХСОН Игоря ОГУРЦОВА в зале суда: "была выражена идея о неизбежной вооруженной борьбе. Все мы по-разному воспринимали эту идею, но, в конце концов, приняли... Ибо, считали мы, нет гарантии от рецидива культа личности. [...] Я не могу согласиться с тем, что руководством изыскивались возможности и вынашивались планы приобретения оружия. Ни разу не обсуждалась эта тема нами. [...] Не согласен в том, что я был сторонником террора. Это оскорбительная ложь. Как христианин, я всегда был против смертной казни. Не принимаю обвинения в измене родине. Мы мечтали о будущем России на путях, отличных от коммунизма. Для нас дорого понятие родины..., сегодняшний Советский Союз - наша родина, иной у нас нет. Я горжусь отцом, участвовавшим в Великой отечественной войне и в войне с Японией....

Прокурор (Соловьев): Даже сравнение коммунизма с фашизмом вы не считаете клеветой?

Огурцов: Наше мировоззрение вначале было антифашистским, а затем стало вообще антитоталитаристским.[...] Наш народ живет значительно хуже, чем он мог бы жить при тех же колоссальных затратах труда..." (его обрывают)

Цитировать можно было бы много. Но стоит ли? Сказанного достаточно, чтобы понять, что четверть века тому назад были приговорены к чудовищным срокам заключения люди, уже тогда боровшиеся за принципы, что положены в основу нашей сегодняшней государственности. Распространяя на них сегодняшнюю редакцию статьи 70 УК, обвиняя их сегодня в "заговоре с целью свержения" существовавшего тогда строя, прокуратура и Верховный Суд России не просто придают закону обратную силу - они приравнивают нынешнее государственное устройство к тому страшному и преступному режиму, что семьдесят четыре года грабил и уничтожал народ, издевался над великой страной. Кто сегодня больше нуждается в реабилитации: семнадцать (точнее все двадцать один) осужденных или прокуратура и суд? Что ж, у судебной власти пока еще есть шанс на оправдание перед лицом истории. Председатель Верховного Суда или Генеральный прокурор России имеют возможность подать надзорный протест в Президиум Верховного Суда. Но гражданское общество должно понимать: случившееся - прямая угроза возврата в кровавое прошлое, и этого допустить нельзя.

5 августа 1993г.

Лекарства для "Мемориала".

Одно из основных направлений работы комиссии социальной помощи петербургского "Мемориала" сегодня - это большая международная программа по обеспечению лекарствами членов общества.

Год назад, когда возникли известные трудности с покупкой лекарств в государственных аптеках: колоссальный рост цен, отсутствие многих жизненно необходимых средств, в комиссии социальной помощи организовалась специальная группа (ЗАБОРСКАЯ И.Л., СТАРИЦКАЯ Т.М., КВЯТКОВСКАЯ И.Я.).

На первом этапе необходимо было собрать сведения о том, кто и в каких лекарствах нуждается, направить запросы в иностранные фармацевтические фирмы и организовать закупку и доставку лекарств в местных аптеках. В результате была разработана целая система сбора информации, создана картотека, заведены "листы ожиданий". Сегодня на каждый прием комиссии социальной помощи приходят по 20-30 человек с рецептами, а всего уже собрано более 1000 рецептов на различные лекарства (около 1000 наименований), которые невозможно купить в городе. Из этого перечня были выбраны наиболее часто встречающиеся (в основном, сердечные, сосудорасширяющие и глазные лекарства), и заявки на них были отправлены в несколько стран - в Германию, США, во Францию. Первая партия лекарств поступила из Германии, а сейчас распределяется уже 12-ая партия, поступившая из-за границы. О действующей системе обеспечения лекарствами рассказывает председатель комиссии по социальной помощи Владимир Эдуардович ШНИТКЕ.

"Сегодня мы работаем в нескольких направлениях. Первое - это помощь в получении лекарств, на которые выписаны бесплатные рецепты или рецепты с 50% скидкой. Сейчас из-за плохого снабжения в каких-то районах определенных лекарств не оказывается, и человек не знает, где их искать, или он не в состоянии сделать это сам. Тогда мы берем у него рецепт, обзваниваем все управления, ездим по городу и, наконец, получаем или покупаем это лекарство. При этом требуются некоторые формальности, регистрация в отдельном журнале во избежание злоупотреблений.

Вторая форма - это прием рецептов на те лекарства, которых практически нет в городе. Если таких рецептов набирается достаточно много, чтобы выйти на больничную упаковку, то мы заказываем это средство в одной из зарубежных фармацевтических фирм. Эта форма работы осложнена высокими ценами на лекарства на Западе и необходимостью искать средства для финансирования этих закупок. Так в германской фирме "Санавита" мы закупили недавно первую партию лекарств на сборы от благотворительных концертов в поддержку "Мемориала", часть средств мы специально оставили в Германии на покупку лекарств.

Третье - это срочная доставка из-за границы лекарств, необходимых по жизненным показаниям (т.е. без которых человек может умереть). На этот случай мы разработали цепочку, обеспечивающую доставку в течение двух дней. Нам удалось установить контакт с немецкими врачами, в Берлине создан "Кружок врачей в помощь "Ме-

мориалу" (как они себя назвали), который принимает наши срочные рецепты и пересылает лекарства.

Т.Косинова

Акция искупления - служба мира.

Из всех стран Европы у питерского "Мемориала" самые тесные связи сложились, пожалуй, с Германией. Вот уже три года продолжается наше плодотворное сотрудничество с немецкой организацией "Акция искупления - служба мира".

Движение с таким названием возникло в Германии в начале 50-х годов. Оно было инициировано руководителями Евангелической церкви Германии, и до сих пор церковь продолжает играть в деятельности этой организации существенную роль. В конце сороковых годов евангелисты Германии объявили о том, что они несут личную ответственность перед мировым сообществом и особенно перед государствами и народами, пострадавшими от фашизма за то, что не смогли препятствовать в свое время приходу нацистов к власти в Германии, победе идеологии национал-социализма и, наконец, развязыванию Второй Мировой войны. И теперь немцы должны искупать свою вину какими-то конкретными миротворческими действиями, всевозможными гуманными акциями.

Направления деятельности представителей Акции "Искупление" самые разнообразные. Одна из них - личное участие в восстановлении тех стран, которые пострадали от фашистской оккупации. Акция участвовала в создании мемориальных памятников на местах бывших концентрационных лагерей на территории Европы - в Бухенвальде, Майданеке, Дахау. Добровольцы и волонтеры, организуемые Акцией, безвозмездно работали в госпиталях, больницах, в детских садах в Израиле, в Польше, во Франции. В восточной части Германии приверженцы Акции "Искупление" создавали молодежные отряды реставраторов и строителей, которые работали во время летних каникул в городах Польши и Чехословакии, восстанавливая разрушенные памятники. Но до самого последнего времени путь в Россию для Акции "Искупление" был закрыт.

Три года назад "Мемориал" принял первых добровольцев этого движения - две молодые немки по приглашению "Мемориала" полгода отработали в госпитале инвалидов войны. Затем одна молодая девушка из Германии работала в больнице Ксении Блаженной. И вот уже третий год существует летний трудовой лагерь, в котором молодые люди из Германии и Петербурга совместно работают над восстановлением различных памятников в наших пригородах.

Два молодых добровольца Акции "Искупление" - Ян Плампер и Роланд Рауш - работают в петербургском "Мемориале" уже целый год. О них мы расскажем в следующем номере "Вестника".

Т.Косинова

Загадки ГУЛАГа.

Одной из самых волнующих эзков (как впрочем и всех советских людей) тем всегда была проблема привилегий, в частности, лагерных. Советский Союз с самого начала своего существования был страной социального неравенства, где задачей распределения скудных ресурсов занимались самые высокие органы. Цена привилегии и допустимость этой платы - это то, что 70 лет обсуждали советские люди в лагерях, коммунальных квартирах и цеховских особняках. Мы публикуем небольшой рассказ из воспоминаний Б.Ф.Януса, а также два имеющих отношение к этой теме любопытных документа (обнаруженных в питерских архивах нашими исследователями в 1993 году). Орвелл в своем романе-эссе "Скотский хутор" основной принцип социализма (которым и сейчас не хотят поступаться) выразил, как: "Все животные равны, но некоторые равнее других".

Б.Ф.Янус

Министр временного правительства

1952 - 1954 - последние годы ссылки. Красноярский край, километров сто от железной дороги, в лесу дикие козы, село Дзержинское - деревянный райцентр. Никакого производства, лишь захудалый колхоз. А ссылных нагнали порядочно, все озабочены поисками угла и заработка.

И был среди нас такой невозмутимый, которого это, видимо, не тревожило; говорили, что ему посылает помощь жена-повар. На вид было ему лет за семьдесят, рослый, держался прямо, довольно бодро. на коленях штанов одинаковые большие аккуратные заплаты, и все скромно, но опрятно. Недлинная ровная борода, правильные черты лица; выражение не глупое, а, главное, во всей повадке степенность, даже солидность. Это был Кузьма Антонович Гвоздев, бывший питерский рабочий, ставший в 1917 году министром Временного правительства. Кто-то нас познакомил, и мы стали не в очень близких, но приятельских отношениях. После трудных дней безработицы, когда пришлось и крапиву варить, посчастливилось мне устроиться рабочим в геологическую партию. Копал шурфы, работал на буровых, возвращался, бывало, поздно, когда лавка сельпо уже была закрыта, и мог оставаться без хлеба. Гвоздев и говорит, временем располагаю, давайте куплю вам хлеба, и я показал ему, куда кладу ключ от моей полужемлянки. Прихожу с работы усталый, голодный, а на столе уже хлеб лежит, спасибо Кузьме Антоновичу.

Он близко наблюдал Керенского, министров, Троцкого и многих других тогдашних деятелей, и я упустил возможность услышать о многих характерных подробностях. Но тяжелая работа и быт съедали много энергии, да я и не специалист - историк.

Сам же по себе, как личность, он меня не слишком привлекал. В том же селе, как и на других этапах моей двадцатилетней ссылки, мне встречались и более содержательные и вызывавшие глубокое уважение люди. Да и дружить с ним ближе было небезопасно. Около него, как оводы, вились сомнительные друзья из ссыльных. Он, похоже, благосклонно воспринимал их внимание - льстило самолюбию эксминистра? Вот и пойми, то ли им было поручено доносить "куда следует" слова Гвоздева, то ли его мудро решено было сбсречь в качестве полезной подсадной утки, для приманивания "слишком умных" ... Встретимся посередине села, а он громогласно: "А, по-моему, прав Ленин, нужна вторая партия!" А кругом-то уши, уши. По таким обстоятельствам, не много можно было с ним беседовать.

Он рассказывал, что родом из Пензенской губернии. В Питере проявил себя способным мастеровым, "хорошо сдал пробу" (по-нынешнему на разряд). Выбился в рабочую аристократию. "Утром, пока на спиртовке кофе варится, я бреюсь" - самоуважительно повествовал он о своей фабричной жизни. Сошелся с меньшевиками, стал лидером петербургских металлистов. Далее, как известно, война 1914 года, незадачливое участие в Военно-промышленном комитете, первая тюрьма. Недолгая, до февраля 1917-го года, а затем восьмимесячное народное кипение. Звездный час Кузьмы Антоновича: во время последнего правительственного кризиса 17 года лидеры меньшевиков предлагают ему войти в кабинет в качестве министра труда. И Кузьма Гвоздев сел в министерское кресло, среди министров единственный неинтеллигент. Калиф на час, прошел месяц, и его вместе с прочими свели из Зимнего в Петропавловскую крепость. Вторая тюрьма. К большевистскому режиму как-то примкнул, получил должность, а когда пришла Великая Сталинская Эпоха, наступила его третья и последняя тюремная полоса.

Да, судьба сказочная, феерия. А досталась человеку не особо ярко. Ни выдающегося самостоятельного ума, ни, понятно, высокой образованности... Коснулся разговор положения крестьянства, Кузьма Антонович в своей внушительной манере демонстрирует приверженность сталинской коллективизации. Приводит "живую" цитату из своей беседы с видным коммунистом, обосновывает необходимость колхозного строя.

После освобождения из ссылки в 1954 году, все мы, не мешкая, разъехались, и связь моя с Гвоздевым порвалась. Слышал, что после того прожил он не долго.

Однако, не странно ли, что бывший не рядовой меньшевик, министр Временного правительства, даже после смертоносного 37 года продолжал себе, пусть и в ссылке, жить и здравствовать. Заколдованный? Правда, случались еще и другие "несгораемые", например, тоже бывший меньшевик Вышинский, но тот оказался исключительно

---

* Самый замечательный встреченный мной в жизни человек погиб в осажденном Ленинграде. То был врач, ученый, патриот. Вот о ком надо писать. А главное - добиться бы переиздания его единственной общедоступной (остальные - специально научные) книги о душевной гигиене и смысле жизни человека. В условиях всеобщего разброда эта небольшая книжка Георгия Алексеевича Иваницкого - та здоровая пища, какой сегодня не хватает.

полезным товарищем. А какой же ценой спасался Кузьма Гвоздев? Пусть это не из крупных, а все же некоторая загадка из нашего прошлого. Вот бы нашелся бывший эзк, помнящий Гвоздева по сталинскому заключению?...

Приложения.

Документ № 1

Председателю Совета народных комиссаров

Копия тов. Зиновьеву

Уважаемый товарищ!

В ответ на Ваше письмо о Пальчинском Чрезвычайная Комиссия доводит до Вашего сведения, что по получении его гр. Пальчинский, числящийся заложником, был немедленно вновь допрошен членами Президиума Чрезвычайной Комиссии. Допросом было установлено, что Пальчинский, действительно, крупный ученый, геолог, которому между прочим принадлежит очень много в области вопроса о сланцах. Свои научные работы, имеющие очень большое практически-техническое значение, он не прерывал в заключении. Но вместе с тем Чрезвычайная Комиссия должна была считаться с тем фактом, что Пальчинский, исполняя при Керенском обязанности градоначальника в Петербурге, душил рабочую печать, что, будучи заместителем министра Торговли и Промышленности, он, совместно со Скобелевым, вел ожесточенную кампанию против фабрично-заводских комитетов, боролся против рабочего контроля и своими законами, как и своей практической деятельностью, сводил на нет всякую регламентацию хозяйственной жизни. Революционные рабочие Петрограда с негодованием и возмущением встретили бы освобождение столь крупной политической, враждебной им фигуры.

В списке заложников по всей России Пальчинский, несомненно и по праву, занимает одно из самых первых мест (вставка: "Кроме того, из допроса выяснилось, что политические взгляды Пальчинского несколько не изменились, и он по-прежнему продолжает думать, что большевики являлись всегда немецкими агентами, а те события, которые происходят, совершаются вопреки тактике большевиков"). На этом основании Чрезвычайная Комиссия отвергла предложение об освобождении Пальчинского и постановила оставить его в заключении, предоставив ему ряд льгот, а именно: 1/ увеличение продолжительности прогулки, 2/ перевод на больничное положение, 3/ допущение свиданий с техниками, 4/ предоставление к его услугам освещения сверх обычного времени и 5/

предоставления некоторых удобств, в тюрьме не полагающихся: собственная "кровать, ковер и т.д."

Председатель
(ГАРФ, ф.143, оп.1, д.51, л.114)

В.Яковлев

Документ № 2.

6 декабря 1930 года

В оргсектор ленинградского областкома ВКП(б)

2 Отдел ОО ОГПУ в ЛВО настоящим сообщает, что по имеющимся у него точным данным в Выборгский Районный Комитет ВКП(б) из коллектива Политехнического Института поступило дело о принятии в кандидаты ВКП(б) профессора физики Политехнического Института и Зав.Сектором Химической физики в Техническом Ин-те им.Иоффе - СЕМЕНОВА Николая Николаевича. По проверенным данным - СЕМЕНОВ - сын полковника, в 1918 г. выбыл из Ленинграда в Самару, где добровольно вступил в арт.дивизион отряда Каптеля и принимал активное участие в боях против красных при взятии Симбирска и Казани, а также являлся пассивным участником расстрелов коммунистов, происходящих в Симбирске после захвата его белыми. Будучи в научной командировке за границей, СЕМЕНОВ Н.Н. являлся с видными деятелями белоэмиграции, как то: писателем Евгением ЧИРИКОВЫМ, сотрудником монархического Изд-ва "Возрождение", проф. КРЫЛОВЫМ и т.п.

Вызванный для опроса во 2 Отдел ОГПУ в ЛВО, СЕМЕНОВ Н.Н. вышеизложенное подтвердил, заявив, что в свое время, приехав в Ленинград по вызову академика ИОФФЕ, он о службе своей у белых скрыл, давая о себе неверные сведения в Военкомате.

Настоящее сообщается Вам для сведения.

ПП ОГПУ в ЛВО:
Нач. 2 Отдела ОО:

/МЕДВЕДЬ/
/АРНОЛЬДОВ/

(ЦГАИПД, фонд 24, оп.1, д.140, лл.8-8об)

Проф. СЕМЕНОВ (1896 - 1986) не был принят в кандидаты ВКП(б) в 1930 году. В 1931 он стал научным руководителем (затем директором) Института химической физики АН СССР, в 1932 году академиком, в 1941 году лауреатом Сталинской премии, но в КПСС принят только в 1947 году. Лауреат Нобелевской премии 1956 года. Кандидат в члены ЦК КПСС с 1961 года.

Подписал письмо 40 академиков, осудивших академика САХАРОВА в 1973 году.

Дни памяти на Соловках

Проведение Дней Памяти жертв политических репрессий 20-30-х годов на Соловках стало традицией. Впервые они прошли 6-7 июня 1989 года по инициативе Соловецкого музея и Санкт-Петербургского "Мемориала". Тогда был установлен закладной камень на месте первого массового расстрела в 1929 году, отслужена первая публичная панихида по погибшим, местная власть присвоила новой улице поселка имя погибшего на Соловках о.Павла Флоренского.

Дни Памяти были приурочены к дате первого этапа: 6 июня 1923 года на Соловки с пароходом "Глеб Бокий" прибыла первая партия заключенных из Архангельска и Пертоминска и отряд СОП (Соловецкий Особый Полк). Из местного лагеря принудработ, который уже был на острове, был образован СЛОН (Соловецкие Лагерь Особого Назначения). Заключенные, вывезенные на Соловки из Пертоминска и Архангельска, - "политики" - члены партий социалистов-революционеров, меньшевиков и анархистов. С этой даты начинается существование лагеря, ставшего общеизвестным символом коммунистического террора.

На Соловки прибыли две организованные группы - 32 человека из Москвы (отв.Козлова Е.И., Московский "Мемориал"), чья поездка была обеспечена московским "Мемориалом" и 37 человек из Петербурга, Могилева, Иваново, Красноярска, Минска (отв.Резникова И.А., Петербургский НИЦ "Мемориал"), чье участие в Днях Памяти было обеспечено Петербургским НИЦ "Мемориал" в рамках программы изучения истории Соловецких лагерей.

Следует отметить понимание и поддержку, оказанную сотрудниками Соловецкого Музея (А.Сошиной, М.Вервальдом, О.Бочкаревой), главой местной администрации А.Подкорытовым, настоятелем Соловецкого Монастыря о.Иосифом, председателем кооператива "Приют" Ананченко и владельцем частной гостиницы И.Муромцевым.

Дни Памяти были открыты 21 июля организованным по инициативе Айзенштат А.Я., Знаменской А.Н. и Лавровой Т.В. вечером знакомства. Собрались все - бывшие заключенные, дети, внуки, племянники соловецких узников. В коридоре прачечного корпуса, где когда-то были камеры; поставлены столы, все приехавшие собрались за ними - чай, беседы, рассказы, воспоминания.... Особое соловецкое родство - судьбы их родных тесно переплетались, и теперь возникает чувство, что когда-то раньше все уже были знакомы. Кого-то соловецкое братство с каждым годом теряет, но приходят все новые и новые люди, кому дорога соловецкая память их родных и близких.

А на следующий день началась официальная программа. Экскурсия по Соловецкому кремлю и поселку заняла целый день. Сотрудник музея Михаил Вервальд рассказывал и об истории Соловецкого монастыря, но основное внимание уделил лагерю. В лагерное время Кремль и поселок были центром островов, здесь находилась примерно половина всех заключенных архипелага, а к 1937 году почти все заключенные, находящиеся на тюремном режиме. Здесь разме-

щалось Управление СЛОН, а позднее руководство отделения и управление тюрьмы. Здесь же находился военный городок с казармами для солдат, домами для командиров и подсобными службами, основные лагерные производства, электростанция, радиостанция и типография; богатейшая соловецкая библиотека, театр, музей...

С нами на Соловки приехали брат и сестра Оликеры - Людмила Борисовна и Эрнест Борисович; в одном из тюремных корпусов соловецкого кремля сидел их отец, Борис Львович Оликер, автор воспоминаний "СТОН".

Большая автобусная экскурсия по разбросанным по Соловецкому острову лагерным командировкам, как обычно, началась с посещения одного из красивейших и самых страшных мест Соловков - "Секирки", штрафного изолятора СЛОН. На вершине горы стоит двухэтажная церковь Вознесения. С самого основания лагерей здесь был устроен штрафной изолятор с очень суровым режимом. Сюда посылали провинившихся и беглецов со всех островов, а также с материка. Штрафники размещались в церкви на двух ярусах, верхний - строгий изолятор - не отапливался даже в зимнее время. Здесь же приводились в исполнение расстрельные приговоры, хоронили умерших и расстрелянных на склонах горы. В лагерном фольклоре Секирка занимает особое место, она становится неперенным атрибутом характерного для Соловков "черного юмора": "Хороши по весне комары // Чуден вид от Секирной горы".

Сейчас Храм на Секирной горе пуст. О тюрьме напоминают решетки на окнах и отдельные надписи, сделанные заключенными и чудом сохранившиеся. В церкви и у подножия Секирной горы монах Соловецкого монастыря о.Зосима отслужил панихиду в память всех тех, кто погиб на Соловках. В 1989 году во время Дней Памяти здесь впервые за шестьдесят лет, прошедших после полного запрещения служения на островах, публичную панихиду по убиенным отслужил член нашей делегации, петербургский священник о.Александр Ранне, сейчас же на склоне горы установлен крест, по большим праздникам совершается заупокойная служба.

А дальше ежегодный путь по лагпунктам:

- Савватьево. Несмотря на короткий срок пребывания здесь "политиков" - с 23 по 25 годы, оно вошло в историю лагеря как "политскит". Именно здесь находилась большая часть заключенных, членов партий меньшевиков, социалистов-революционеров и анархистов. Ровно 70 лет назад сюда прибыл первый этап. Особый режим единственных официально признанных в СССР политзаключенных был унаследован от царской России, многие из них попали на Соловки, имея большой арестантский опыт. Тюрьмы, этапы, ссылки не прерывали их партийной работы, революция лишь несколько изменила направленность политической борьбы. Здесь, в соловецких политскитах, разрабатывались политические программы, выносились резолюции, даже выходил рукописный журнал. 19 декабря 1923 года в Савватьевском политските разыгралась трагедия - в результате лагерной провокации были убиты 6 человек. Первое умышленное убийство политзаключенных вызвало резкую реакцию и волну протестов в Европе, а здесь, на Соловках, усилило противостояние политзаключенных и соловецкой администрации.

Впервые с нами на Соловках Виктория Моисеевна Ланде, дочь эсеров Татьяны Михайловны и Моисея Самуиловича Ланде. Мельникова (Бабина) Цецилия Моисеевна в годовалом возрасте оказалась в заключении на Соловках. Цецилия Моисеевна пишет воспоминания о своей семье: ее отец - Бабин Моисей Израилевич, меньшевик, по лагерям и ссылкам с 1923 года, расстрелян в 37, мать - Бабина (Цейтлина) Дарья Соломоновна, меньшевичка, по лагерям и ссылкам с 1922 года, умерла в ссылке; дяди - Михаил - меньшевик, Семен - эсер, Эмиль - расстреляны в 37. Тамара Юльевна Попова, из большой семьи Цедербаум и Кранихфельд, носительница традиций и духа демократического движения начала века. Сегодня она единственный полноправный наследник политического архива Ю.О.Мартова и всей этой многочисленной семьи революционеров, погибшей в лагерях ЧК-НКВД. Т.Ю.Попову хорошо знают московские репрессированные, которым она оказывает постоянную помощь, как деятельный районный координатор. Ее оптимизм и чувство юмора помогают всем окружающим в наше нелегкое время.

- Исаково. В лагерное время здесь сформировался крупный поселок, была молочная ферма - сельхоз № 2. В 20-е годы это центральный пункт нескольких лесных командировок, после прекращения лесозаготовок на островах (1930) Исаково становится большим сельскохозяйственным пунктом. Здесь работал Александр Иванович Навроцкий. Его дочь, Нина Александровна, и внучка - Елена Николаевна приехали на Дни Памяти. Нина Александровна рассказала о судьбе отца, она получала письма, помнит рассказы матери. Александр Иванович, потомственный дворянин, агроном, с 33 года находился в заключении на Соловках, работал по специальности и даже одно время возглавлял сельхоз здесь, в Исаково. В 37 году Особой Тройкой УНКВД по Ленинградской области был приговорен к высшей мере и расстрелян.

Насыщенная программа Дней Памяти и плохое состояние дороги не дало возможности включить экскурсию на Большую Муксалму в официальный план, тем не менее белые соловецкие ночи и неутомимость участников позволили совершить ночной пеший поход. Соловецкая дамба, выложенная из крупного валуна, поражает своей грандиозностью. Причудливо извиваясь по наиболее мелким местам и каменистым участкам пролива, она кажется скорее творением природы, чем делом человеческих рук. Большая Муксалма за время существования лагеря это - "политскит", затем животноводческая ферма - сельхозкомандировка, и с 37 года - тюрьма.

Соловецкий музей организовал экскурсию на Большой Заяцкий остров, "зайчики", "женская секирка" - называли его соловецкие эски. Это женский штрафной изолятор, попадали сюда, в основном, за "половую распущенность". Беременных женщин держали здесь до родов, а затем перевозили на Анзер. Заключенные жили в деревянной Андреевской церкви, построенной в 1702-м году в память посещения острова Петром 1. Сейчас это пустующее здание изрисовано туристами.

Удалось совершить поездку и на остров Анзер, каждый год это непростая задача: специальное разрешение, неустойчивая погода в Анзерской салме, транспортные трудности. На пустынном Анзере

лагерное прошлое видно повсюду. Сохранились тюремные двери с кормушками и глазками, в развалинах зданий, среди обломков и мусора сохранились предметы лагерного быта. На стенах, оконных рамах, дверях надписи, сделанные заключенными, так в Троицком скиту (лагпункт Анзер) - на первом этаже крупными буквами написано - "Анархия - мать порядка", - это камера анархистов, которые находились здесь в 24-25 году; в бывшем келейном корпусе на Голгофе следы пребывания коммунистов "кировского набора" - "12/XI 36 прибыла партия 205 человек К.Р. и КРДТ убыли 17 мая 1937 в неизвестность", с внутренней стороны одной из тюремных камер сохранилась таблица для перестукивания с грузинским алфавитом; навес над источником исписан весь - это лагерная почта. Анзер - "Соловки в Соловках" - на протяжении всей истории островов на нем почти не было хозяйственной деятельности, так и во времена лагеря, в разные годы здесь находились: политскит, штрафная командировка, "больничка", с 37 года тюрьма; сюда были изолированы православные иерархи, "мамки" - женщины с детьми, родившимися в лагере, инвалиды.

С вершины Голгофы открывается прекрасный вид на Белое море, видна большая часть острова. Второй год с группой "Мемориала" приезжает на Анзер художник Теймур Казиев. Теймур родился на Анзере, его родители - студентка московского ботанического института Анна Бриллиантова и азербайджанский агроном Кази-Заде-Керим познакомились на Соловках. В годовалом возрасте Теймур оказался в детском доме, мать была расстреляна на Соловках, отца увидел только в 46 году после его освобождения.

Митинг 70-летия открытия лагеря был, как никогда многочеловечным. На пятые Дни Памяти собралось около 100 человек бывших заключенных, их родственников, представителей Московского и Петербургского "Мемориалов", сотрудников Соловецкого Музея и местной администрации. Выступили руководители местного Совета и Музея, представители Санкт-Петербургского "Мемориала" и "Мемориала" Москвы. С особенным вниманием слушали собравшиеся бывших соловецких заключенных. Бывший з/к Виктор Георгиевич Васильев прочел свои стихи, написанные в лагерные годы. На Соловках и в республике Коми он провел за решеткой в общей сложности тринадцать лет. Бывший з/к Владимир Степанович Чашей рассказывал о тяжелых условиях, в которых содержались заключенные в 30-е годы. Часть своего выступления он посвятил прискорбному состоянию архитектурных памятников Соловков сегодня. Выступали и родственники соловецких узников. Тамара Юльевна Попова, Евгения Андреевна Снесарева, Нина Александровна Навроцкая, Люцина Валерьяновна Полищук, дочь известного украинского писателя Валериана Полищука; Георгий Алексеевич Мизонов, Виктория Моисеевна Ланде. Судьбы детей и родственников соловчан складывались непросто. Дочери расстрелянного на Соловках физика Будницкого Даниила Зельмановича приехали из Красноярска. Инна Данииловна и Галина Данииловна родились в Ленинграде после ареста отца были высланы, так и остались в Сибири. Выступивший от питерского "Мемориала" бывший политзаключенный Вячеслав Долинин, сидевший уже в 80-е годы, говорил о преемст-

венности поколений политзаключенных и о преемственности сил зла, которые ведут свою разрушительную работу и сегодня.

Накануне отъезда участников Дней Памяти с Соловков состоялся прощальный вечер. Был показан видеофильм о митинге у закладного камня (выступление Долипина включено в видеофильм не было), Эльга Юдилиевна читала стихи своей мамы - Ольги Львовны Адамовой-Слиозберг, Елена Николаевна Потапова выразила благодарность всем организаторам Дней Памяти и сказала о необходимости сохранения этой традиции. На стенах зала висели акварели Теймура Казиева, написанные им во время поездки по островам. Одну своих работ художник подарил музею питерского "Мемориала".

Кемь - преддверье Соловков. Все соловецкие этапы проходили через Кемь, на Поповом острове находился пересыльно-распределительный пункт, в самом городе на Вегеракше располагался самостоятельный лагерь. Неоднократно менялось административное подчинение Вегеракши (отделение СЛОН, отд.СЛАГ, отд.УСИКМИТЛ, отд.ББК), однако история кемского лагеря всегда неразрывно была связана с соловецкими лагерями. Владислав Степанович Гусев маленьким мальчиком с матерью был в Кеми на свидании с отцом в 32 году. Его отец Гусев Степан Петрович, член ком.партии с 18 года, зам.директора нижегородского завода "Красное Сормово", был арестован в 30 году, осужден на 10 лет. Во время свидания он передал родным дневник, который начал вести в заключении, в нем описано следствие, тюрьма, лагерь. Степан Петрович погиб в заключении. В семье сохранились его письма и дневник. Копию дневника Владислав Степанович передал в Петербургский НИЦ.

60 лет назад Евгения Андреевна Снесарева, молоденькой девушкой, приехала в Кемь на свидание к отцу - генералу русской армии, профессору-востоковеду Андрею Евгеньевичу Снесареву. Почти целый год прожила она здесь, ухаживая за больным отцом, добиваясь его освобождения. Работала медсестрой в госпитале, выступала на сцене лагерного клуба. Трудно узнать город, столь изменившийся за эти годы, но все же на Вегеракше сохранилось несколько бараков, а госпиталь, так и оставшийся больницей после закрытия лагеря, сгорел два года назад. Сейчас Евгения Андреевна вместе с Петербургским НИЦем готовит к печати лагерные дневники своего отца.

НИЦ "Мемориал" во время поездки на Соловки продолжал исследовательскую работу по теме "История Соловецкого лагеря особого назначения". Интервью, документы, фотографии - новые судьбы, новые странички истории соловецкого лагеря. Сергей Ханженков, внук соловчанина, бывший политзаключенный 60-х годов, исследовал командировку на мысе Толстик и здание тюрьмы на Кирпичном заводе. Удалось пополнить и собрание нашего музея. Самым интересным новым экспонатом оказалась подаренная Соловецким музеем дверь от камеры с глазком и стальным засовом. Эльга Григорьевна Торчинская вела фотохронику Дней Памяти.

В заключение необходимо сказать о тех удивительно теплых и душевных отношениях, которые сложились за это время. Путешествие на Соловки не из легких: большая физическая и эмоциональная нагрузка, не очень комфортабельные бытовые условия. Наталья Федоровна Надольская, Екатерина Сергеевна Тутолмина и Лидия

Андреевна Мюллер взяли на себя тяжелую работу по кухне, супруги Лилеевы Николай Иванович и Людмила Сергеевна помогли 83-х летнему Владимиру Степановичу Чапею. Профессиональных навыков врача экспедиции Оршанской Марины, к счастью, не потребовалось. Разного рода неприятности были предотвращены благодаря решительности Эрнеста Борисовича Оликера и Сережи Тутолмина.

Следующие Дни Памяти пройдут в июне 1994 года. Предварительная договоренность об этом уже достигнута.

37 лет спустя

(интервью перед отъездом в Будапешт)

"... 21 июня в посольстве Венгрии в Москве президент Венгрии Арпад Генц вручал награды бывшим ленинградским студентам. Студенты были старые и седые, главное дело своей жизни они совершили почти 37 лет назад, а награда пришла к ним сегодня". ("Русская мысль", 8-14 июля 1993, из статьи А.ГИНЗБУРГА "Корни в пятидесятых").

С Борисом Павловичем ПУСТЫНЦЕВЫМ мы беседовали накануне его отъезда в Будапешт. По приглашению президента нашим политзескам предстояло в конце августа провести пять дней в Венгрии, их ждали в парламенте, на курорте на озере Балатон, их должен был принимать сам Арпад Генц.

Б.П.- Поездка была запланирована давно, там мы и должны были получать свои награды. Но потом нам объявили, что президент сам приезжает в Россию с официальным визитом, и он хотел бы награды нам вручить здесь, потому что это, по их мнению, будет иметь больший международный резонанс. Он, конечно, ошибся - здесь резонанса не было никакого, как раз наоборот. Российская пресса об этом вообще не писала. А в программе "Вести" показали маленький кусочек церемонии, вкратце объяснив, за что нас награждали. После этого сюжета в посольство пошли письма, где нас называли "предателями и подонками", которых "надо было расстрелять в свое время".

- Вы их видели?

- Да. Их несколько десятков. Есть анонимные и с подписями. В основном из Москвы, одно из Петербурга, еще из каких-то мелких весей... Вот такая история...

- А если вспомнить октябрь 1956 года... Что Вы пережили тогда?

- Настроение наше поначалу было очень приподнятое. Тогда ежедневно полдня мы проводили у радиоприемника, тут же записывали, что происходит, обсуждали. Глушили тогда отчаянно, но, во-первых, что-то из этого ящика пробивалось; во-вторых, я знал английский и слушал "Би-би-си" и "Голос Америки" на английском. Действительно, мы тогда впервые убедились в возможности противостояния этому кошмару, мы увидели, что где-то это удастся. Ведь когда в конце октября советские танки покинули Будапешт (конеч-

хранность брошенного хозяйства. На ближайшем к берегу острове (о.Лисий) в центральной части находилась жилая зона, сохранились фундаменты, печи, колодец, упавшая в недавнее время вышка, развалины хозяйственных построек. Очевидно, что разрушение шло естественным порядком, следов пожара и специального уничтожения обнаружено не было. На Песцовом острове жилых построек не было, единственная сгоревшая землянка, хоть и имела кирпичную печь, использовалась по-видимому как временное жилье или под хозяйственные нужды. Остатков звериного "жилья" (клеток, дощатых домиков, кормушек у маленьких землянок), раскиданных по обоим островкам, было найдено несколько десятков. Интересно, что все острова Глубокой губы в настоящее время населены дикими лисицами, трудно сказать потомки ли это пушхозовских питомцев или они появились здесь позднее естественным порядком.

Экспедицией была продолжена работа прошлых лет (с 90 года) по сбору надписей заключенных. Больше число надписей сделаны были в жилых помещениях - карандашом на дверях, оконных рамах, стенах камер, реже процарапаны на шпукатурке. В основном, это фамилии с датой, иногда со статьей и сроком, встречаются неразборчивые подписи и инициалы. Вот некоторые из них:

"родился в городе Осташк. был здесь [...]11.37 из Ленинграда Фаворский" (колодец на Анзере)

"Мусаватисты 9 дней галадают 4 августа до 13 августа" (колодец на Анзере)

"Прощай Анзер! не дай помянуть у[.]в я хорошим, это не жизнь, а нечто худшее смерти. Дай Бог не видеть тебя боль[шэ]. Прощайте и люди населяющие те[б]я не оставили в душе ни одного светлого [воспоминания!]" (Троицкий скит)

"АНАРХИЯ МАТЬ ПОРЯДКА" (камера анархистов 1924 год, Троицкий скит)

"здесь жил заключенный 1923 г. Василий Ефремович Ермаков г.Пенза на 3 года не знаю за что" (Горелая изба)

Всего собрано около ста надписей, их могло быть больше, если бы в 80-е годы по инициативе директора Соловецкого музея не была проведена специальная работа по их уничтожению.

Виктор ТРОФИМОВ. ТРОФИМОВ отправился с ним в венгерское посольство в Москве, я - в консульство здесь. Консул меня не принял. Вышла какая-то девица и предложила сдать это письмо милиционеру в будке, чего я, естественно, делать не стал. Такой же "холодный душ" Трофимов встретил в Москве в посольстве. И после такого афронта мы решили не иметь никаких дел с официальными властями. В то время в консульстве и в посольстве работали старые люди - венгерские коммунисты, которые в гробу все перемены и перестройки видели.

В ноябре прошлого года в Питере в Публичной библиотеке была выставка "Познань-Будапешт - 1956", посвященная событиям в Польше и в Венгрии. Я узнал об этой выставке, о том, что она устраивается венграми официально. Но, памятуя о той истории с письмом, я решил не ходить на открытие, хотя мне очень интересно было, посмотреть я хотел. Я специально прождал полтора часа после того, как она открылась, и шел просто посмотреть. Оказалось, что она открылась несколько позже, официальная часть затянулась, и я попал на конец пресс-конференции. Для меня было важно избежать всякого официоза, чтобы не слышать вранья. Я вошел в зал как раз в том момент, когда посол Венгрии в Москве отвечал на вопрос кого-то из журналистов, он говорил: "Мы очень жалеем, что до сих пор не можем найти ни одного из тех ленинградских студентов, которые пострадали за поддержку Венгерской революции.." И тут же кто-то из наших журналистов крикнул: "Да вот один из них сидит, он только что вошел.." На этом пресс-конференция была закончена, потому что посол сразу подошел ко мне вместе с директором Института 1956 года (есть у них такой в Будапеште). Когда я рассказал, как нас встретили в 1988 году в венгерских официальных присутствиях, они принесли глубочайшие извинения, сказали, что сейчас абсолютно другие люди, всех тех повыгоняли, отношение совсем другое - нас там всегда рады видеть. Более того, в Венгрии мы чуть ли не национальные герои, нам предназначаются высшие награды Венгерской республики.. О-ля-ля!

После этого мы стали получать приглашения в венгерское консульство и посольство, стали там, что называется, желанными гостями... И наконец, оказалось, что теперь, включая нас, в Венгрии 44 кавалера офицерского креста...

- Как Вы сами оцениваете вручение Вам этой награды? Как относитесь к этому событию?

- Конечно, это, знаете, трогательно... Такое отношение властей Венгерской республики. Естественно, на такое мы не могли рассчитывать и никогда не могли представить подобного развития событий. Никто же не подозревал, что все так быстро изменится. Трогательно, но в то же время, конечно, немного смешно.

Я сказал послу еще в начале года, что не представляю себе, как я буду получать этот крест, если не получат посмертно Малыхин и Годиков, которые имеют на эту награду столько же прав, сколько и я. Они долго этот вопрос выясняли, потом мне сказали, что, к сожалению, статус этого ордена позволяет вручать его только живым. Но их участие как-то, разумеется, будет отмечено... Так что я уже иначе

отношусь к этому - ребята не получили посмертно награды, хотя должны были.

Далее. Мы представили венграм список, насчитывающий более десяти фамилий людей, в той или иной форме принимавших участие в выступлениях против подавления восстания в Будапеште. В этом списке был, к примеру, Юрий Левин, Юрий Леонидович, руководитель третьей секции (политзаключенных) нашего "Мемориала", - у него три листовки в деле лежат. Но мы отличаемся от него и других только тем, что у нас листовки - основной пункт, а у него и других грехов достаточно (связь с НТС, еще какие-то свои дела, а попутно - эти три листовки). И они есть в деле, в составе обвинения, он их получил недавно. Я считаю, что он, безусловно достоин такой награды.

Косарев Вадим Николаевич. В 17 лет мальчик написал стихотворение о событиях в Венгрии, очень эмоциональное, очень яркое, где выразил свои ощущения по поводу происшедшего в то время. И оно тоже стало одним из пунктов обвинения, лежит в деле. То есть он тоже вложил свою лепту.

Ирина Вербловская, и вообще вся группа Революта Пименова. У них это тоже было второстепенным обвинением, но все-таки после ввода советских войск в Венгрию они написали письма, - это сейчас выглядит, я понимаю, наивно, но в то время это был шаг большого гражданского мужества, - письма академикам, членкорам с призывом поддержать протест против ввода войск. Естественно, ответов они не получили.

Мы считаем, что эти и другие люди сделали примерно столько же, сколько и мы. Степень участия, вовлеченности и значимости - все это неважно, не так важно, больше или меньше они сделали, но они также рисковали, и я не вижу оснований не награждать их. Мы дали списки, я - в Питере, Трофимов - в Москве. Реакция была: "да, да, все это мы обязательно учтем". Но на этой стадии все и осталось. Это заставляет меня несколько скептически относиться к этим наградам. Я боюсь, что для венгров это достаточно формальный акт.

Т.Косинова

Экспедиция на Соловки

С 7-го по 15-е августа состоялась специальная (не совмещенная с "Днями памяти") экспедиция НИЦ "Мемориал" на Соловки. Работа проводилась в рамках программы исследований по теме "История СЛОН". (отв.исп. - РЕЗНИКОВА И.А., участники ОРШАНСКАЯ М.В., МОРГАЧЕВА Т.В., ДОЛИНИН В.Э., ХАНЖЕНКОВ С.Н.).

В задачи экспедиции входило: уточнение местонахождения и обследование лагерных командировок архипелага, сбор надписей, сохранившихся на стенах зданий и сооружений со времен лагеря. Эта работа должна была быть форсирована в связи с передачей имущества монастырю и необходимостью в связи с этим сохранить материальные свидетельства лагерного периода.

Экспедиция работала на Большом Соловецком острове (район Исаково, мыс Толстики, Филимоново и острова Долгой губы), на о.Малая Муксалма и на Анзере.

Основные результаты работы: Найдена на местности и нанесена на карту последняя из 68 лагерная командировка - л/п "Пушхоз". Здесь с 1925 располагался питомник пушных зверей - разводили кроликов, рыжих, серебристо-черных и черно-бурых лисиц, голубых и кремовых песцов и даже соболей. Командировка находилась на двух островках Глубокой губы площадью по 3-4 десятины каждый (о.Лисий и о.Песцовый), соединенных между собой и с берегом мостами. Пушхоз на островах был организован с осени 1925 года после первых удачных опытов по разведению пушных зверей на Соловках, начатых в сентябре 1925 года в Биосаде. Уже в ноябре-декабре по инициативе и под личным руководством Начальника УСЛОН работала Комиссия по выбору места для строительства Питомника, тогда же острова Глубокой губы Приказом по УСЛОН за № 103 от 12 мая 1925 года были объявлены заказником. Начальником Пушхоза до 1931 года был К.Г.Туомайнен, оставшийся работать после освобождения по вольному найму. Пушхоз был организован на паях УСЛОНом и Госторгом, племенной материал поставлял Госторг. Меха шли на международные ярмарки, часть денег за проданные меха поступали в пользу лагеря. Темой постоянного недовольства заключенных и либерального начальства служило то, что зверей здесь кормили лучше, чем заключенных: мясо, свежая рыба, овощи, а соболям - даже орехи и мед. Впрочем, работники Пушхоза старались до некоторой степени сгладить эту несправедливость. Начальник УСЛОН Ногтев в своем отчетном докладе за 1929 год говорит: "по пятилетке продукция питомника должна дойти до 725 000 рублей в год". К 1931-32 г. основным направлением зверохозяйства стало кролиководство, ондатра была расселена по озерам и также как и песцы была на полувольном содержании. После вывоза крольчатника в Повенец (8 отд. ББК) в 1932 году здесь оставалось небольшое зверохозяйство вплоть до закрытия лагеря (1939 год).

После ликвидации питомника, а вместе с ним и л/п, мосты были разобраны, а островки никак не использовались ни в лагерное, ни в более позднее время. Труднодоступность этой точки обеспечила со-

хранность брошенного хозяйства. На ближайшем к берегу острове (о.Лисий) в центральной части находилась жилая зона, сохранились фундаменты, печи, колодец, упавшая в недавнее время вышка, развалины хозяйственных построек. Очевидно, что разрушение шло естественным порядком, следов пожара и специального уничтожения обнаружено не было. На Песцовом острове жилых построек не было, единственная сторевшая землянка, хоть и имела кирпичную печь, использовалась по-видимому как временное жилье или под хозяйственные нужды. Остатков звериного "жилья" (клеток, дощатых домиков, кормушек у маленьких землянок), раскиданных по обоим островкам, было найдено несколько десятков. Интересно, что все острова Глубокой губы в настоящее время населены дикими лисицами, трудно сказать потомки ли это пушхозовских питомцев или они появились здесь позднее естественным порядком.

Экспедицией была продолжена работа прошлых лет (с 90 года) по сбору надписей заключенных. Больше число надписей сделаны были в жилых помещениях - карандашом на дверях, оконных рамах, стенах камер, реже процарапаны на штукатурке. В основном, это фамилии с датой, иногда со статьей и сроком, встречаются неразборчивые подписи и инициалы. Вот некоторые из них:

"родился в городе Осташк. был здесь [..]11.37 из Ленинграда Фаворский" (колодец на Анзере)

"Мусаватисты 9 дней галадают 4 августа до 13 августа" (колодец на Анзере)

"Прощай Анзер! не дай помянуть у[..]в я хорошим, это не жизнь, а нечто худшее смерти. Дай Бог не видеть тебя боль[шэ]. Прощайте и люди населяющие те[б]я не оставили в душе ни одного светлого [воспоминания!!" (Троицкий скит)

"АНАРХИЯ МАТЬ ПОРЯДКА" (камера анархистов 1924 год, Троицкий скит)

"здесь жил заключенный 1923 г. Василий Ефремович Ермаков г.Пенза на 3 года не знаю за что" (Горелая изба)

Всего собрано около ста надписей, их могло быть больше, если бы в 80-е годы по инициативе директора Соловецкого музея не была проведена специальная работа по их уничтожению.

Экспедиция в Свирлаг

С 16 по 24 августа экспедиция НИЦ "Мемориал" работала в Лодейнопольском районе и юго-восточной части Карелии, здесь в 30-е годы находился Свирлаг - самый большой "остров" Архипелага Гулаг в Ленинградской области.

Свирлаг существовал недолго - официально с 30 по 39 год, но уже в 33 году начался процесс его ликвидации. В течение этого времени лагерь полностью обеспечивал Ленинград дровами; лесоразработки проводились в Лодейнопольском районе Ленинградской области и юго-восточном районе Карелии. Кроме лесоповала, сплава леса по рекам и отгрузки по Мурманской железной дороге, заключенные прокладывали дороги, добывали для этого камень и щебень; работали на деревообделочных заводах. Управление находилось в Лодейном Поле. Лагерь состоял из 6-ти лаготделений, и каждое имело от 5-ти до 10 лагпунктов, не считая производственных зон, больницы и т.п.

Экспедиция носила предварительный характер: основная работа велась по поиску следов лагеря, как на местности, так и при опросах местных жителей. В экспедиции участвовало 7 человек. И.Вербловская, С.Туровская и Б.Миркин проводили опросы населения. Всю топографическую часть работы взял на себя В.Хроменков, с которым по малодоступным местам (леса, болота, бездорожье) ходил М.Пушницкий; В.Э.Долинин, хранитель музейных фондов НИЦа, занимался сбором предметов лагерного быта.

Одно из самых больших лаготделений находилось в поселке Важины, в 3-х км от ж/д станции Свирь Удалое обнаружены следы бывших зон в Важинах, Рейде, Согинцах, Гришино и на р.Мандроге; что позволило нанести дислокацию отделения на карту Подпорожского р-на.

Благодаря помощи сотрудников районной библиотеки, мы разыскали и опросили более 15-ти человек, старожилов Важин и близлежащих деревень. Из их рассказов, иногда противоречивых, но дополняющих друг друга, сложилась довольно полная картина жизни и быта лагеря, его воздействия на жизнь местного населения. Интересно, что жители называли заключенных "услонцами" (первые заключенные Свирлага были этапированы из СЛОНа).

Из беседы с А.В. Шлепаковым (1924 г.р.): "Услонцы были везде, но летом больше всего по левому берегу Важинки. Лес заготавливали круглый год. Зимой к местам сплава свозили на лошадях, летом были ими проложены декавильные дороги. Летом на Важинке сплавляли лес и отправляли по Свири в Ленинград и на Сясьский бумкомбинат. В 1934 году заключенные строили плотину через Важинку. Проектировщик был из зеков, бывший сотрудник Графтио. ... Мы, дети, бегали к ним часто. У них была гитара. Мы их не боялись. Они делились с нами хлебом и кашей. Некоторые зеки вообще ходили свободно. Они меняли на махорку эмалированные чайники, тазики, кружки. Тогда в сельпо ничего не было, а лагерь снабжали. Выменивали у них наволочки, рубашки, кальсоны - белье у них было грубое крепкое. Носили они ватные зеленые фуфайки (те-

логрейки). ... глубокой осенью 1934 года привезли на станцию Свирь из Средней Азии человек 200-300. На улице дождь со снегом. Грязь непролазная. А они в халатах, тюбетейках, чалмах. Все босиком. Их гнали с собаками овчарками в Согинцы - более 20 км., отстававших либо штыком в ягодицу кололи, либо собаки за икры кусали... Больше их никогда не видел."

Из рассказа Валентины Ивановны Залеевой: "Я живу здесь всю жизнь. До войны здесь было много заключенных. Они работали на камнях. Дорогу прокладывали, да камнем и щебнем засыпали. А еще камень нужен был для плотины. Летом на реке сплачивали лес и отправляли в Ленинград. Работали под конвоем."

Из рассказа Веры Александровны Лыськовой, (84 года): "По Важино ходили многие услонцы свободно. В 1931 году пришли ко мне договариваться, чтобы я им обеды готовила: картошка моя, а селедка и все остальное их. Было их не то 10, не то 11 человек. Они мост деревянный строили, жили в доме, где сейчас детский садик. Остальные там и питались, а эти сказали, что слишком много народа и попросились ко мне. Покушают и пойдут. Один из них говорил, что он священник - предложил мне новорожденного сына окрестить. Да и остальные тоже не простые были, видно, - образованные. Они тут два года работали. Иногда приходили просто так посидеть. Тихонько между собой переговаривались, обсуждали полученные письма. У нас оставались какие-то их документы, они лежали за оконной притолокой, но во время войны все пропало."

Из свидетельств Глебовой-Кайнулайнен: "В начале 30-х я работала на почте. На лагеря шла большая корреспонденция. Писем было много - сортировочного стола не хватало - сортировали на полу. Письма шли на всю страну, по всему Союзу."

Местные жители очень боялись беглых. Летом многие заключенные, работавшие в лесу, уходили из оцепления в бега. Далеко не всех находили. Они были голодные и часто приходили в деревни воровать. В лес по одному ходить было боялись, особенно женщины. Жительница д. Улино, И.А. Телешева вспоминает, как осенью пошла в лес за брусничкой и увидела лежащий в кустах труп беглого зека, видимо, умер от истощения.

Жительница деревни Купецкое М.С.Машкина (92 года) помнит, что лагерь был огорожен высоким забором и колючей проволокой. На вышках, освещая зону, горели очень яркие фонари. По ее представлению, на время сплава сюда пригоняли тысяч 15 заключенных. В деревне сохранился большой двухэтажный дом, где размещались гауптвахта, шизо и квартиры лагерных охранников. На другом берегу Важино была больница, а в лесу - лагерное кладбище.

Из беседы с жительницей дер. Гришино Е.М.Юначевой: "На том берегу была у них больница. Врачи у них были хорошие, тоже заключенные. Они нам помогали... В зоне, что рядом с деревней, только на третий год построили пекарню. А до того в деревню к нам привозили муку, развозили по дворам, и мы пекли для заключенных хлеб. Нам самим тоже, конечно, перепало. Время было голодное, и это было подспорьем."

Неожиданно для себя при опросах жителей в Важинах и других близлежащих деревнях мы узнали, что во время войны все русское

Экспедиция на Соловки

С 7-го по 15-е августа состоялась специальная (не совмещенная с "Днями памяти") экспедиция НИЦ "Мемориал" на Соловки. Работа проводилась в рамках программы исследований по теме "История СЛОН". (отв.исп. - РЕЗНИКОВА И.А., участники ОРШАНСКАЯ М.В., МОРГАЧЕВА Т.В., ДОЛИЦИН В.Э., ХАНЖЕНКОВ С.Н).

В задачи экспедиции входило: уточнение местонахождения и обследование лагерных командировок архипелага, сбор надписей, сохранившихся на стенах зданий и сооружений со времен лагеря. Эта работа должна была быть форсирована в связи с передачей имущества монастырю и необходимостью в связи с этим сохранить материальные свидетельства лагерного периода.

Экспедиция работала на Большом Соловецком острове (район Исаково, мыс Толстики, Филимоново и острова Долгой губы), на о.Малая Муксалма и на Анзере.

Основные результаты работы: Найдена на местности и нанесена на карту последняя из 68 лагерная командировка - л/п "Пушхоз". Здесь с 1925 располагался питомник пушных зверей - разводили кроликов, рыжих, серебристо-черных и черно-бурых лисиц, голубых и кремовых песцов и даже соболей. Командировка находилась на двух островках Глубокой губы площадью по 3-4 десятины каждый (о.Лисий и о.Песцовый), соединенных между собой и с берегом мостами. Пушхоз на островах был организован с осени 1925 года после первых удачных опытов по разведению пушных зверей на Соловках, начатых в сентябре 1925 года в Биосаде. Уже в ноябре-декабре по инициативе и под личным руководством Начальника УСЛОН работала Комиссия по выбору места для строительства Питомника, тогда же острова Глубокой губы Приказом по УСЛОН за № 103 от 12 мая 1925 года были объявлены заказником. Начальником Пушхоза до 1931 года был К.Г.Туомайнен, оставшийся работать после освобождения по вольному найму. Пушхоз был организован на паях УСЛОНом и Госторгом, племенной материал поставлял Госторг. Меха шли на международные ярмарки, часть денег за проданные меха поступали в пользу лагеря. Темой постоянного недовольства заключенных и либерального начальства служило то, что зверей здесь кормили лучше, чем заключенных: мясо, свежая рыба, овощи, а соболям - даже орехи и мед. Впрочем, работники Пушхоза старались до некоторой степени сгладить эту несправедливость. Начальник УСЛОН Ногтев в своем отчетном докладе за 1929 год говорит: "по пятилетке продукция питомника должна дойти до 725 000 рублей в год". К 1931-32 г. основным направлением зверохозяйства стало кролиководство, ондатра была расселена по озерам и также как и песцы была на полувольном содержании. После вывоза крольчатника в Повенец (8 отд. ББК) в 1932 году здесь оставалось небольшое зверохозяйство вплоть до закрытия лагеря (1939 год).

После ликвидации питомника, а вместе с ним и л/п, мосты были разобраны, а островки никак не использовались ни в лагерное, ни в более позднее время. Труднодоступность этой точки обеспечила со-

Приложение № 1

Управление НКВД
по Ленинградской области
Управление ИТЛ
17/V - 1945
№ 5/1469с
на № 42/11082

Секретно
Зам.начальника ГУЛАГа
НКВД СССР
полковнику госбезопасности
тов.ГРАНОВСКОМУ

Лагерные подразделения Ленинградской области в период военных действий по мере оккупации области своевременно ликвидировались, причем материальные ценности этих подразделений (производственное оборудование и другие материальные ресурсы) были эвакуированы на Восток, согласно указания ГУЛАГа НКВД. Вся документация предварительно была сосредоточена в Ленинграде в УИТЛК. Когда Ленинград очутился в блокаде, было принято решение всю документацию ликвидированных подразделений уничтожить, что и было проведено в жизнь осенью 1941 года. Т.о., в распоряжении УИТЛК УНКВД ЛО не имеется сейчас такой документации ликвидированных лагподразделений, которая бы представляла научно-исторический, оперативный и практический интерес.

Изложенное сообщая для Вашего сведения.

Зам.нач. УИТЛК УНКВД ЛО
майор госбезопасности

/ЗВЕРЕВ/

Документ обнаружен в архиве РГАРФ (Москва), фонд 9414, оп.1 ч.1, дело 3339, л.131 членом историко-архивной комиссии "Мемориала" (СПб) ХРОМЕНКОВЫМ В.С.

Приложение № 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1939 года октября месяца 20 дня Я нач. Паспортно-Регистрационного отдела УРКМ НКВД Кар.АССР мл.лейтенант милиции АLEXIN рассмотрел архивно-следственное дело № 585428 по обвинению Белых Сергея Андреевича 1898г.р. б.член ВКП(б), грамотный ур. из д.Наволоки Усть-Алексеевского р-на б.Северо-Двинской губ.

УСТАНОВИЛ:

В мае 1926 года Белых Сергей Андреевич постановлением особого совещания ОГПУ как соц.-вред.элемент осужден в концлагерь сроком на три года, срок отбывал в Соловецких лагерях. В октябре 1927г. досрочно освобождается и работает по вольному найму пом.нач.военизированного отряда. В январе 1929г. назначен начальником комендатуры второго лагеря в г.Кемь КарАССР, работая в указанной должности, Белых систематически пьянствует, использует свое служебное положение, вступает в половую связь с заключенными женщинами, как-то Турчиной, Соколовой (см.Арх.След. дело часть II-я показание Корабелова стр.48) и делает попытки к вступ-

лению в половую связь с женой заключенного Беркович Брониславы Израиловны, поставив ей условие о возможности свидания с мужем после того, как она вступит с ним в половую связь.

Означенное дело следствием было прекращено, на Белых наложено дисциплинарное взыскание 30 суток аресту (см. постановление от 9/XI-29 года. Арх.-След.дело).

В 1930 г. Белых был арестован по делу истязания заключенных 2-го лагеря. Следствием было установлено, что администрация лагеря ставила в нечеловеческие условия заключенных: практиковались избиение, ставили зимой голыми ногами на камень, летом в раздетом виде заключенные стояли под командой смирно и тысячи комаров пили кровь из тела заключенных. Зверские расправы доводили заключенных до исколечивания себе рук, ног посредством отрубывания пальцев лишь бы избавиться от командировки, а некоторые кончали жизнь самоубийством и т.д. (см. обв. заключение л.д. 265), своему подчиненному составу говорил: с арестованными нечего церемогиться, т.к. их прислали в лагерь не для исправления, а для уничтожения (стр.204).

По означенному делу заседанием коллегии ОГПУ от 20/VI-30г. Белых по ст.59ч.П УК РСФСР заключен в концлагерь сроком на 5 лет, считая срок с 8/V-30г.

По освобождении из лагеря в феврале м-це 1934г. Белых назначен начальником 5-го отделения Свирлага и 12/Ш-34 г. с должности был снят, предъявлено обвинение по ст.109 УК РСФСР. Постановлением особого совещания коллегии ОГПУ от 11/IV-34г. по ст.111 УК Белых осужден к 5 годам л/свободы.

20/I-36г. постановлением особого совещания при НКВД СССР Белых досрочно освобожден.

С 27/I-36 до 17/I-37 работает на канале Москва-Волга в должности начальника 5 участка водопроводного р-на и с 17/I-37 г. в системе ББК НКВД и последней должности зам.нач. 12 отделения ББК НКВД.

ПОСТАНОВИЛ:

В виду отсутствия положительных характеристик с места работы, а также учитывая тяжесть совершенных преступлений Белых, и что означенные преступления имеют систему полагал-бы: от снятия судимости воздержаться, о чем поставить в известность заявителя и 1-спецотдел НКВД СССР.

/АЛЕХИН/

(ИЦ МВД КАССР, следдело № 7470, обнаружено при работе в ИЦ МВД Карелии в 1991г. историко-архивной комиссии "Мемориала").

Памяти Феликса Перченка

(7 апреля 1931 - 5 октября 1993)

В ночь с 5 на 6 октября на 63-м году жизни скоропостижно скончался Феликс Федорович Перченко.

Четверть века он отдал учительству. Учил детей - и в Питере, и в сельской школе. Универсально образованный, он не только вел несколько предметов (литературу, астрономию, географию, биологию), но и стремился создать единый синтетический курс "мироведения". Учение Вернадского, горячим приверженцем которого Феликс Федорович стал давно, было для него в высшей степени органично. Излюбленной формой урока у него была экскурсия: лишь вольная прогулка позволяет услышать, что природа и культура говорят на одном языке. И это было сознательное следование традициям русского краеведения 1920-х годов.

Мы знали его как историка - прежде всего, как историка русской науки XX века. Эту историю невозможно описывать как поступательное развитие идей. Разрушение научных школ и ученых сообществ, обнищание концепций, гибель и деморализация людей, - без этой трагедийной составляющей летопись нашей науки не просто лжива, она бессмысленна. Феликс Федорович был одним из первых, кто попытался раскопать подспудную правду. Акценты в его работах ставились не столько на разрушительных силах и тенденциях (фактографическая точность при этом строго соблюдалась), сколько на том, что разрушалось. Всегда чувствовалось, что автором движет не злая и мстительная тоска по утраченному, а надежда на возрождение утраченных ценностей. В своей работе он чаще всего использовал жанр комментированной документальной публикации - это было закономерно в ситуации дефицита доступных документальных источников. Но часто его комментарий к второстепенному тексту превращался, по-существу, в отдельное исследование и читать его было интереснее, чем публикуемый текст.

С середины 70-х статьи и публикации Перченка стали появляться на Западе. Значительная их часть печаталась - под псевдонимами - в самиздатском сборнике "Память", издаваемом в Нью-Йорке и Париже в 1976-82 гг., затем - в историческом альманахе "Минувшее". Эти издания обязаны Феликсу Федоровичу не только его авторским вкладом, но и редакторским и комментаторским вмешательством в чужие работы, вмешательством всегда тактичным и конструктивным.

В последние годы направленность трудов Ф.Ф.Перченка в целом не изменилась. Доступнее стали архивы, стало можно печататься на родине и под своим именем. С возникновением историко-просветительного общества "Мемориал", Феликс Федорович активно сотрудничает в его научных программах. Под его руководством готовились несколько справочников о репрессиях среди ученых - вышел биографический словарь "Репрессированные геологи" (СПб, 1992), на стадии последних уточнений находился аналогичный справочник по востоковедам. Некоторые публикации и исследования

Ф.Ф.Перченка увидели свет в историческом альманахе "Звенья" (первый выпуск которого он и редактировал), в частности, большая работа о знаменитом "деле Академии Наук" 1930 г. Кое-что из подготовленного к печати смогут завершить его коллеги, многое ушло вместе с ним...

Во 2-м выпуске "Звеньев" Ф.Ф.Перченко опубликовал большой корпус писем членов так называемого "Приютинского братства" - дружеского кружка, объединявшего В.И.Вернадского, Д.И.Шаховского, С.Ф.Ольденбурга, И.М.Гревса и др. Мысль Шаховского, что "без соединения людей в форме братских объединений невозможно никакой личности сознательно и деятельно участвовать в жизни" - была удивительно созвучна умонастроению самого Феликса.Федоровича.

Во времена гражданского нестроения, может быть, больше всего нужны - не лидеры, не корифеи, не пророки, а "объединители" и просветители, такие, как Ф.Ф.Перченко. На них ложится самая тяжелая эмоциональная нагрузка, вот и сгорают они быстрее и незаметней. На фоне малых и больших социальных катастроф их смерть кажется обыкновенной. Но после их ухода "в душе и в мире есть пробелы, как бы от пролитых кислот".

Памяти А.С.Южелевского

В 1993 году исполняется 100 лет со дня рождения доктора Южелевского, одного из многомиллионного мучеников жертв тоталитарного коммунистического режима.

Абрам Соломонович Южелевский родился в Вильно в бедной семье, с 13 лет работал, в 1915 году поступил в медицинский институт в Петрограде. Студентом во время эпидемии работал в сыпнотифозном отделении Семеновского госпиталя, во время холерной эпидемии лекпом в холерных бараках, во время оспенной эпидемии лекпом в оспенных бараках Боткинской больницы. В 1921 окончил курс и стал врачом. В 1922 году командирован в Поволжье, в голодающие районы. После возвращения работал ассистентом проф.Бехтерева, преподавал в медицинском институте, читал курс невропатологии. Жил в мире науки, много занимался популяризацией науки (лекции на заводах, популярные сборники). С 1935 года кандидат медицинских наук, автор 44 научных работ. Готовился к защите докторской диссертации в начале 1938 года.

10 октября 1937 года за ним пришли, арестовали и расстреляли. "10 лет без права переписки". Через 20 лет, в 1957 посмертно реабилитировали. В 1958 сыну "врага народа", студенту Московского института тонкой химической технологии Ю.А.Южелевскому за заслуги отца установили персональную стипендию, докторскую диссертацию (в области медицинских полимеров) защитить позволили.

Памяти Я.И.Верженской

ВЕРЖЕНСКАЯ Ядвига Ирэна Иосифовна родилась в г.Сестрорецке в 1902 году. 22 апреля 1938г. репрессирована в связи с арестом мужа, Адама Ивановича Верженского, инженера-путейца, генерал-лейтенанта железнодорожных войск (арестован и расстрелян в 1937г.). Была заключена в тюрьму на Лубянке и осуждена на 8 лет лагерей с поражением в правах, отправлена в Акмолинский лагерь жен изменников Родины (АЛЖИР). С 1940г в лагерях Соликамска, а затем в Краслаге (ст.Рсшеты). 7 апреля 1946г. освобождена. Жила в г.Витебске, после реабилитации в 1956г. переехала в Петродворец, где в течение 19 лет работала библиотекарем, а затем зав.библиотекой в детском туберкулезном санатории. С 1975 г. жила в Ленинграде. Воспоминания Я.И.Верженской были набраны для нашего "Вестника", когда пришло известие о ее смерти.

Верженская Я.И.

Эпизоды моей жизни.

Как-то в начале апреля 1938 года я, открыв почтовый ящик, нашла там открытку. Долго держала ее в руках. В ней говорилось, что 7 апреля я должна явиться на Лубянку. Помню, в тот день я легла спать раньше обычного и увидела сон. Снилось, будто подъехала я к какому-то зданию и стою у огромной двери. Ее открываю и вижу длинный-длинный коридор, по обе стороны которого множество закрытых дверей, и на каждой висит на уровне глаз кружок, окрашенный, как и стены коридора, желтой краской. Вдали темнота, а потолок низкий-низкий.

Проснулась я, как обычно, в семь утра и написала записочку своему брату Стасику. Оделась и поехала прямо на Лубянку. Открываю смело дверь: ведь я не верю, что берут всех подряд. Вхожу и останавливаю свой взгляд на проходящем мимо меня человеке. Либо путаюсь я, либо знаю его... Но он сам подошел ко мне. "Что, не узнаете меня, Ядвига Иосифовна? Я в Чернигове работал вместе с Адамом Ивановичем!" Да, вспомнила, вспомнила, - это же Фролов!

"А что вы знаете о нем? Мне сказала жена нашего юриста, что он "враг народа". Но ведь это же нелепо! Просто чушь какая-то. Верженский с другими офицерами привел в 17-м целый полк в Россию, и вдруг такое обвинение. Но вы же знали его. Помогите, ради бога, узнайте что-нибудь."

Фролов впустил меня в свой кабинет, посадил за стол: "Я все понимаю. Как только что-нибудь выясню, сразу же сообщу вам. А пока подпишите одну бумагу - это необходимо." Я подписала какую-то узкую полоску, где было написано, что в моем доме произвели обыск и не нашли ничего предосудительного. Фролов вернул мне паспорт и проводил со словами: "Больше никуда не ходите и обязательно уезжайте из Москвы. Лучше куда-нибудь в деревню, в город не надо. И

обязательно ребенка нужно вывезти, а то лето будет очень жарким. Здесь вы не были и меня не видели."

Легко сказать "еду в деревню", а куда ехать-то? В Витебск еще можно, там отец... Что ж поеду в Витебск, а там видно будет. Уже все было готово к отъезду, но тут подхватила где-то ангину и пришлось пролежать несколько дней.

И вот 22 апреля я услышала, что к моему дому подъехала машина. В квартиру ворвалась жена Юрия Верженского, лица на ней не было. Известие о том, что Адам арестован как изменник Родины, обрушилось на них, как гром среди ясного неба. Еще бы, директор авиазавода, первый человек на оборонном предприятии вдруг узнает такую новость. Он послал жену в Москву, и она приехала на своей машине, чтобы узнать, за что арестован Адам и в чем он обвиняется. Мне очень не хотелось ехать на Лубянку, к тому же у меня все еще держалась высокая температура. Но Нина настойчиво твердила, что Юрию придется положить партбилет на стол, а это конец. Для меня все это было как-то непонятно и туманно, и я не задумывалась о том, что это действительно был конец. Ну как тут откажешь? Я оделась потеплее, повязала горло шерстяным шарфом, одела шерстяную кофточку и драповое пальто. Сели в машину и поехали. Но когда спускались по лестнице, Юра вдруг начал кричать: "Нинядя, нинядя, нинядя, мама!" Как долго в моих ушах был потом этот крик...

Машину мы остановили на Кузнецком мосту, и я пошла к тяжелой дубовой двери. Достала пропуск и стала подниматься по лестнице. И вдруг сталкиваюсь лицом к лицу с Фроловым. Он, увидев меня, покраснел, и мне показалось, что у него перехватило дыхание: "Вы? Вы? Ну, сами виноваты!" - произнес он и побежал мимо меня вниз по лестнице. Я опешила, ничего не понимая, а из комнаты меня зовут: "Да входите, входите же. Ох, ну и устали мы сегодня!" У меня взяли паспорт и пропуск, сунули оба документа под стекло, а мне, улыбаясь, указали направление, куда следует идти. Я открыла дверь, за которой была лесенка, ведущая в коридор, и остановилась, пораженная: ведь я уже видела этот коридор во сне со стенами, окрашенными в желтый цвет, и множеством дверей с медальонами на уровне глаз. Я очнулась от голоса женщины, которая взяла мою сумочку. Она вытряхнула все ее содержимое в пустое ведро, а выпавшие 25 рублей, на которые я собиралась купить мясо, положила обратно. Тут я воскликнула: "Да что же вы делаете: ведь там же ценные вещи - серебряная пудреница и хрустальный флакон с французскими духами!" Но женщина молча вернула мне сумочку и сказала: "В последнюю дверь!" Я открыла эту дверь, с таким же медальоном на уровне глаз, и увидела за ней каких-то женщин, сидящих на скамейках.

- Ну, входи, входи, подруга! Подвиньтесь там!

- Меня сейчас позовут, - сказала я, присев на краешек скамьи.

- Позовут ... лет через пять, - произнесла вдруг одна из незнакомых женщин.

- А, может, и через восемь, - отозвалась другая.

И тишина. Кто дремал, кто плакал, но все молчали.

Так мы просидели всю ночь. Утром вошла другая женщина и велела сдать часы, кольца и другие ценные вещи. Я указала адрес живущего в Москве брата. И оказалось, что нас не обманули. Он пол-

учил открытку явиться куда-то за моими часами. У меня был браслет из платины, который привез мне в подарок Юрий из Америки, он ездил туда за специалистами по сооружению конвейеров, когда строился на Волге тракторный завод. Так и не смогла попользоваться красивой вещью.

Итак, сдали мы все, что нам велели. И тут же за дверью послышался шум моторов. Дверь открылась, прямо к нам въехал "ворон", и нас попросили занять места. Я влезла самой последней и стала искать, куда бы сесть. Шофер закрыл дверь, и мы поехали. Все молчали, а я старалась угадать, куда нас везут. Смотрю, машина завернула на Смоленскую улицу и въехала во двор двухэтажного здания. Окна с решетками и кругом женские лица. Позднее мы узнали, что здесь была тюрьма для уличных женщин. Их всех поместили в камеры на нижнем этаже, а нас отправили наверх. Я оказалась в комнате с шестью кроватями, приделанными к стенам. А нас было 68 человек! Мы спали по очереди на этих подвесных кроватях. Кто-то спал под кроватью, вытянув ноги, кто согнувшись калачиком, а кто у параша. Очередность была организована теми, кто сидел с марта, а мы, апрельские, пока спали как придется.

В 8 утра дверь открылась: "Умываться!" Потом нам дали по два кусочка сахара, хлеб, принесли 20 кружек. Это, видно, для нас, новеньких.

Так промучились мы три месяца. Никаких известий, полная оторванность от мира. Хоть бы что-нибудь передать. Ведь профессор Способин думает, что я сбежала, не имея возможности ему заплатить. А дома, что происходит дома? Об этом даже подумать было страшно. Но ни слез, ни отчаяния, только чувство глубокой апатии владело всем моим существом. Казалось, я пребываю во сне, но, невзирая на мое горячее желание проснуться, мне никак не удавалось это сделать. Жизнь замерла, потянулась вереница дней, похожих друг на друга.

Не всегда удавалось посидеть на кровати даже днем, так как слишком много было желающих. Стирали постоянно, но не больше одной вещи в день, потому что для просушки приходилось долго размахивать ею в воздухе. Ну зачем я послушалась Нину и опять поехала на Лубянку? Ведь этот следователь Фролов хотел меня спасти, но не смог. А как хорошо он мне все объяснил: "Лето будет жаркое, обязательно нужно вывезти ребенка!" Удастся ли моим вывезти Юру, когда они все поймут?

А Нина Верженская была, видно, в таком шоке, что ничего не сообщила моим, как потом оказалось. Что на самом деле с ней случилось, узнать невозможно, ибо своей ошибкой она не только "посадила меня", но приблизила то, что случилось потом через несколько дней, когда в Ногинске пришли за Верженским. Тогда у его жены случился сердечный приступ, от которого она умерла. Юрия Верженского отправили на Лубянку, где ему предъявили обвинение во всех смертных грехах, включая и "помощь" брату, и вредительство, и, конечно же, шпионаж. Еще бы. Разве зря он по Америке разгуливал? Наверное, как и следовало ожидать, он вскоре получил бы пулю в затылок, если бы не одно обстоятельство. А случилось вот что. После одного из допросов, когда Верженского тащили по коридору в каме-

ру, его вдруг узнал кто-то из проходивших мимо: "Верженский?! Юрий Иванович?! Мать родная, как попал-то сюда? Ты меня помнишь? Мы ведь в Питере, на Путиловском, вместе работали. Опомнитесь, кого взяли-то? Это же Верженский Юрий Иванович!" Так и получил Верженский "по благу" вместо расстрела двадцать лет. В лагере, куда он попал, построен был завод, в создании которого Юрий принял непосредственное участие. За счет возникшего предприятия лагерь, где пребывал Верженский, стал "богатым". Вернулся Юрий в Москву в 56-м и умер спустя два года.

Ничего я тогда не знала. И про то, что случилось дома, тоже. Брат вернулся и спрашивает, где я. "Не знаю, - говорит мама, - в магазин, наверное, ушла - я дала ей 25 рублей на мясо. Жду."

Проходит час, другой, третий, уже и магазин давно закрылся, а я все мясо покупаю. Ну что ж, пропал человек. Ушла из дома женщина и не вернулась. Может, убили, а может, попала под машину. Брат пошел искать меня по всем моргам, а мать слегла - у нее был первый инфаркт. Известие обо мне получили в виде часов. Но где же сама владелица часов? Юра как-то спокойно отнесся к моему отсутствию, но однажды проснулся среди ночи с криками: "Мама, мама!" Наверное, я ему приснилась. Стасик взял его на руки, но он стучал ему в грудь кулачками: "Дядя Тась, бе!" Прибежала мама: "Что ты, Юрочка, успокойся, маленький!" Но Юра тоже бил ее в грудь кулачками и кричал: "Баба, бе! Мама, мама!" После этой вспышки он никогда больше не звал меня и не кричал.

Но я ничего не знала. Время остановилось до того дня, когда в начале августа нас, проживших три месяца в этой клоаке, выпустили в коридор. Там трое в военной форме зачитывали каждой из нас приговор. Кому восемь лет с поражением в правах, кому пять.

И вот спустя два дня нас всех начали по 25 человек вызывать и сажать в "ворон". Никто не знал, куда нас везут и зачем. Все это было так тревожно.

Когда машина резко свернула с шоссе, мы увидели, что на окрестной дороге стоит состав из множества теплушек. Нам дали команду подойти к предпоследнему вагону, и солдат по фамилиям проверил, все ли на месте. Затем скомандовал: "По 25 человек садись!" А меня позвал и объявил: "Вы будете старшим медиком, будете докладывать на каждой остановке, все ли живы-здоровы." Я, конечно, согласилась.

Ехали мы трое суток, стараясь дать знать родственникам, что живы. Писали на папиросной бумаге губной помадой, которую мы превратили в карандаши. Писали: "Ищите нас в Казахстане," так как понял сразу, что нас вывозят по Казанской железной дороге. Мы опускали записочки в дырку, сделанную для наших нужд. Поезд на стрелках замедлял ход, и мы бросали. Многие послания дошли по назначению. Оказывается, стрелочницы находили их и опускали в почтовые ящики, а те, которые были адресованы в Москву, удалялись даже конвертов. Сестры Адама, получив мою записочку, разрыдались: "Ядя кровью написала".

На четвертые сутки, до полудня, прибыли мы на вокзал. Нас выпустили из вагонов и привели на площадь, где увидели название станции: "Акмолинск". Потом нас посадили на грузовики, и мы по-

ехали. Стоял август, кругом расстилалась зелено-желтая степь. Смотрим: вправо по курсу поселок. Оказывается, пока мы томимся в тюрьме, "отец всех народов" строил для нас городок, правда, без водопровода и канализации. В ряд стояли бараки, сделанные из самана, одноэтажные, мест на сто каждый. Нары были двухъярусные, сделанные из свежего леса, очень приятно пахли. На чистом полу лежали струганные доски, мешки для матрацев и подушек. Каждый набирал себе в старых строениях сена, которое было не пахучее, как в России, а напоминало скорее жесткую траву. Из-за больших окон в бараках всегда было светло, в довершение нам еще провели электричество. Но мы мало им пользовались, солнца и так хватало. Казалось бы, после жутких тюремных условий на Смоленской в Москве такие помещения должны были бы показаться раем, но многие из прибывших женщин сразу же падали на этот чистый, новый пол и плакали. Одно слово - каторга!

Проснешься, бывало, и услышишь, как кто-то стонет, кто-то зовет во сне своего малыша. Потом узнаешь, как то в одном, то в другом бараке женщина сошла с ума. Порой самой, наслушавшись стонов, хочется стонать и кричать, сходить с ума.

Через неделю после нашего приезда мы увидели грузовики с женщинами. Уже до нас было триста человек, потом нас триста, тут еще, наверное, триста женщин прибыло. Я во все глаза смотрю на женщину, согбенную под тяжестью двух туго набитых чемоданов. Боже мой, да ведь это же Маша Федорова, моя подруга по Тбилиси! Мы бросились друг другу в объятия и расцеловались. С этого дня уже не разлучались, и я думала, что, узнай наши мужья о том, что мы будем вместе, им, может быть, не так страшна стала бы мысль о смерти и о нашей дальнейшей судьбе. Ивана постигла участь Адама, и не спас его партбилет. Когда пришли арестовывать Машу, ей разрешили взять с собой все, что она захочет и что сможет унести. Сказали, что придется "далеко ехать". А куда: в Сибирь, на Север? Неизвестно. Маша набрала два чемодана теплых вещей, включая пальто, кофты, брюки. Благодаря ее гардеробу и я смогла приодеться, ведь взяла меня не из дома, и рубашка на мне бумазейная уже успела стать прозрачной. Бариновой из Большого театра и Оловейниковой из Харьковской оперы тоже разрешили уйти из дома с вещами, и они набрали по два чемодана нот.

Наступила пора выбирать работу, и мы с Машей решили пойти туда, где потяжелее. А вдруг за это скорее отпустят? "Идем, Ирэна, на прополку пшеницы!" И вот мы на поле. А где тут пшеница, где трава? Я не знаю, и Маша не знает. Спросили - нам показали. Стали полоть. И вдруг я потеряла сознание. Маша перепугалась, а меня на носилках понесли в зону. Больше на поле ходить не разрешили, и снова мы принялись выбирать. Решили пойти в прачечную, так как там тоже очень тяжелая работа. Но и в прачечной я оскандалилась: на четвертый день работы опять упала в обморок. Со вторым эшелонном прибыло много врачей, некоторых я знала еще с тех пор, как отдыхала в Евпатории. Они меня обследовали, обнюхали и решили, что обмороки мои происходят от недоедания. А посылок нет, они разрешены только тем, у кого дети в детдомах. А где мой двухлетний сын.

После прибытия четвертого эшелона нас уже стало полторы тысячи, и начальство разрешило создать вышивальный цех. Что ж, хорошо. Но Маша не пробовала этим заниматься даже в школе, и поэтому мы нашли другую работу - на воздухе. Маша решила возить воду. Я сначала хотела пойти на вышивалку, но она еще не имела какого-то договора, и мне пришлось пока работать на кипятилке, чтобы быть рядом с Машей. И вот Маша подвозит на своей кляче воду и спешит на кухню, а я наливаю полное ведро, подношу к кипятилке, а потом поднимаюсь по ступенькам и опрокидываю ведро в котел, вместимость которого ведер 400, если не больше. Нужно, чтобы чай был три раза в сутки.

Через некоторое время прибыли тюки с полотном и нитками мулинэ. Я обрадовалась и попросила себе замену. А новенькие все прибывают, и нас уже пять тысяч. Из Одессы, из Ростова, из Минска, из Хабаровска. Приехала милая моя Матвеева, от которой я узнаю, что ей пришлось увидеть моего Адама. Его с ободранными петлицами ввели по двору, и он улыбнулся ей мучительной улыбкой. А дальше она ничего не помнит, так как возле калитки потеряла сознание и очнулась только в штабе. Врач проводил ее домой и посоветовал куда-нибудь уехать, но она не успела этого сделать, так как утром к дому подкатили две машины. В одну посадили ее восьмилетнего сына и четырехлетнюю дочь, в другую ее, разрешив взять с собой кое-что из одежды. В Хабаровске она пробыла в тюрьме с августа по сентябрь, всего пять недель, т.е. ей по сравнению с нами повезло. И вот мы встретились в Акмолинске. Ее дети попали в разные детдома, но нашлись добрые люди и посоветовали мальчику написать прокурору Хабаровска, чтобы узнать, где его сестренка и адрес мамы. И, представьте себе, ему привезли сестренку и разрешили писать маме раз в месяц! Поэтому Матвеева была на седьмом небе от счастья. А меня найти не могли, так как взрослым справок не давали.

Как-то московские медики взяли меня к себе. Это было, когда заболело туберкулезом человек 400. Нужно было три раза в день раздавать им пищу и лекарства. У меня появилась возможность двигаться и познакомиться с интересными людьми. Здесь были люди из Владивостокского радиоцентра, жена сына Молотова, певицы Барина и Оловейникова. Я ведь училась на дирижера и за неделю до ареста сдавала зачет по дирижированию Мелик-Пашаеву. Я дирижировала тогда вступление к "Евгению Онегину". У меня все оперы были в памяти, а самое главное - Баринаова привезла в своем чемодане, когда отправлялась в эту чертову Акмолу, части из "Онегина", "Князя Игоря", романсы. Это был большой багаж по сравнению с двумя платьями, которые она прихватила из дома. Жена сына Молотова (ее имя не помню, а черную стриженую головку помню очень хорошо) прекрасно пела. Словом, любительниц музыки было больше, чем достаточно. А нам бы хоть какой-нибудь музыкальный инструмент, чтобы отвлечь от горя шесть тысяч женщин.

Вышивальный цех очень мне понравился: кругом чистота, порядок, а белоснежное льняное полотно в руках превращалось в красивое изделие. Я старалась перекрыть нормы, чтобы получить 800 грамм хлеба. Однажды я уснула полусидя-полулежа и проснулась от муж-

ского голоса. Открыла глаза и увидела перед собой высокого мужчину не то с портфелем, не то с папкой.

- Вы почему спите не на месте?

- А здесь спокойно, чем там!

- Это верно... А вы сами по-профессии кто?

- Да вот не успела все экзамены в Московской консерватории сдать: сын помешал.

- А почему бы вам не организовать хор или там еще что-нибудь музыкальное?

- Для этого нужны инструменты, а у нас их нет.

- Да, их тут нет. Но петь-то ведь можно и без инструментов!

- Да, но тогда нужен камертон. А здесь и профессиональные певицы есть, и ноты. Я бы на голосах хор сделала. Но я же без права переписки, а то можно бы было попросить из дома камертон.

- А если бы вам писать, то куда?

- Родителям.

- А где живут ваши родители? Вы приходите завтра. Без очереди, прямо ко мне. Что-нибудь придумаем.

Я храбро пришла к нему на следующий день. Он вырвал листочек из блокнота, а я продиктовала, что "у меня все хорошо, я здорова, прошу выслать мне из дома камертон и дирижерскую палочку. Живу с мыслями о вас и Юре. Целую: Ядвига."

Отец и мать, как обычно, под вечер сидели возле дома, когда увидели почтальона, который размахивал письмом. "Господи, опять горе!" - запричитала мама. А почтальон начал кричать, что все в порядке, их дочь нашлась и просит выслать ей камертон. "О, господи, какой еще камертон?!"

Через неделю получаю посылку от родителей, спустя три дня 250 рублей по телеграфу. А через неделю мне пришла еще одна посылка и 250 рублей из Новосибирска от сестры Адама Япины и узнала, что Юра у них в Новосибирске. И какая посылка: жиры и конфеты "Мишка на Севере"!

Я ожила и сразу же начала собирать коллектив. А желающих участвовать набралось больше, чем нужно. Сделать хор на 150 голосов было моей заботой. И вот как-то все оживилось, и ночных всхлипываний стало поменьше. Смотрю: на вышивалке то одна, то другая напевают, что вспомнится. А бригадириша разрешила мне взять остатки мулине для вышивки рубашечки моему трехлетнему сыну. Мама по моей просьбе в одной из посылок прислала метр полотна, и я, в перерывах между работой, когда мы не получали полотна вовремя или ждали питок, вышивала и шила дорогую рубашечку. А тут вдруг оказалось, что в Москве была выставка наших работ, и эту красоту даже французы купили. Весь цех радовался, когда я читала письмо, что Юра ни за что не хотел отдавать рубашечку и клал ее на ночь на стул возле себя. По-моему, он и сейчас ее помнит.

Концерт прошел с большим успехом, на нем было много гостей в военной форме. Все женщины плакали. Я получала письма от них потом, в 56-м. После концерта я была удостоена грамоты, мне даже посвятили несколько стихотворений. Одно сейчас находится в Музее Революции в Санкт-Петербурге вместе с поломанной дирижерской палочкой и образцом вышивки.

В 40-м году привезли меня в Соликамск. Какое отвратительное место! Неба чистого не видно, над городом не то дым, не то туман. Лагерь состоял из старых деревянных построек и палаток, населенных рецидивистами. Меня сразу же привели в медпункт, где проводился осмотр заключенных. Очень милая и красивая женщина, возглавлявшая эту комиссию, обрадовалась подоспевшей помощи, сразу же дала мне халат и косынку, не спрашивая о моей специальности. А ведь я была когда-то медиком. И в университете, и еще раньше, в Витебске, в холодном и голодном 18-м, во время эпидемии тифа работала в тифозных бараках. Из 200 медиков на ногах были только 40, остальных скосил тиф, и сыпной, и брюшной. А вот меня не тронул. Подружка моя умудрилась тогда подхватить где-то холеру, а я носила ей еду. И подружка выздоровела, и я не заболела. И вот теперь снова стала я врачом.

В первую очередь нам дали чай и хлеб. Время - часов пять, а народу все не убавляется, в прихожей не протолкнешься. Уже после одиннадцати начальник сказал нам, что можно идти, и мы, обрадовавшись, что рабочий день наконец-то закончился, быстро собрались и пошли по домам. Я шла с начальником, рассказывала ему, кто я и откуда. Вдруг вижу свет в огромной палатке. Почему это там не спят? И шагнула в палатку, а начальник не заметил, как я туда вошла. "У вас, что - выходной завтра, на работу не собираетесь? Ребята, а ну-ка спать быстро, а я посмотрю, кто из вас ко мне утром в медпункт прибежит." И вдруг замечаю, что на нижних нарах лежит человек почти навзничь и тяжело дышит. Я позвала кого-нибудь, кто мог бы мне помочь положить его поудобнее. Тут один из играющих в карты на верхних нарах соскочил вниз и молча повернул человека. Я пошла к противоположной двери среди гробового молчания. Вышла из палатки и очутилась перед каким-то строением.

- Вам куда? - спрашивает голос.

- Да начальника ищу, он должен был показать мне место.

- Так это вас он по всему лагерю ищет?

Оказывается, начальник уже тревогу поднял.

- Куда вы делись? Туда же ни одна женщина не заходит.

- Но я не знала, что здесь бандюги есть.

- Вас ведь в карты могли проиграть!

- Как это?

- А вот так: кто проиграл, тот должен пришить первого, кто войдет!

У меня мороз по коже. А начальник довел меня до так называемого "клуба". Мне предстояло пожить в комнате при клубе, где уже обитала молоденькая девочка Наденька. Я обрадовалась, что в помещении нет нар, а стоят две железные кровати для меня и для Наденьки, что дом бревенчатый, а двери с железными штангами и на окнах решетки. Рядом вахта, и ночных гостей можно не опасаться.

Утром Надюша принесла нам завтрак, потом зашла Ольга Ивановна, красивая, стройная, любо было на нее смотреть. Тоже жена военного, взяли за мужа.

Мы договорились, когда кто должен выходить на развод. А пока, с 14-ти, т.е. с обеда, будем в санчасти комиссовать.

Пропустили мы за день 80 человек, а в крохотной прихожей все еще стоит толпа. В 11 часов Ольга решила посмотреть, сколько там ждет больных. Решили, что, если народу немного, то всех сегодня отпустим. Ольга открыла дверь, а ей навстречу летит топор. И прямо в лоб. На голове у нее был шерстяной берет, но удар пришелся так, что она прямо рухнула на пороге. Пожилая хирургическая сестра, которую тоже звали Ядвигой, и мы впятером тотчас бросились к ней. Положили Оленьку на топчан, Ядвига начала мыть руки. А тут уже паника: "Врача убили!" Я выгнала из комнаты всех растерявшихся эзков, которые столпились и проклинали картежников. Вот когда поняла я, что такое карты! Проиграл - убей кого-нибудь, лучше политического. Мы упростили начальника направить Оленьку в Пермь, так как в Соликамске из-за бумагоделательных заводов ужасный воздух. А еще и этот "гнус". Больше об Ольге Ивановне и Ядвиге, которая поехала вместе с ней, я не слышала.

О войне узнала от охранников с вахты.

В первых числах августа 41-го на наш медпункт пришли два солдата и предложили всем, кто хочет, ехать в Красноярский край, сопровождая более четырехсот стариков, чтобы их там откомиссовать и отпустить. Но почему же здесь не создать комиссию? У нас тоже есть начальник санитарной службы, вольнонаемный. Вот его и следовало бы пригласить. Но нет, им уже объявили и они собрались.

Согласна ли я? Да, конечно. Берут только меня и медсестру. Солдат говорит, что подводы готовы, они прибыли из колхоза. Завтра уезжаем.

Эта новость так взволновала меня, что я поднялась на развод в 6 утра. Сижу в медпункте, вещей у меня нет. На мне шерстяное платье, драповое пальто и защитного цвета босоножки, в которых я вышла из дома в 38-м. А сейчас лето 41-го!

Медсестра отказалась ехать, решив остаться на съедение мошкаре. Вместо чемодана у меня имелся ящичек от маминной посылки, куда сложила я все, что она мне прислала в последний раз. А камертон остался в Акмолинске как знак памяти обо мне. Солдат принес мыло, ведро и тазик. Санитарную сумку мы набили сердечными каплями, йодом, перекисью, ватой и прочими мелочами. Засунули туда же бинты и халат, совсем новый - его мне дал начальник. Господи, как опротивел мне этот Соликамск! Сам воздух, похожий на дым. А "караван" уже был готов к отправлению. На каждой подводе по 4-5 человек, солдат управляет лошадей. Поехали.

От Соликамска до Перми шли мы трое суток, не торопились. Обоз этот растянулся в цепочку, а я отдыхала, для меня это была прогулка.

Люди были не старые, а просто ослабевшие в лагере. Дошел обоз до Перми, и там пришлось оставить двоих. Остальные 428 человек погрузили в эшелоны и отправили.

Старший конвойный дал мне косынку с красным крестом, красный крест на рукав и черную телогрейку. Мне на станциях приходилось бегать в санпункты с заявкой, чтобы снять у нас покойника или предоставить медикаменты.

А железная дорога гудела от обилия поездов. Шли эшелон за эшелонам, и все на запад. Через каждые пятнадцать минут мимо нас

проносились платформы, груженные студебеккерами - это перевозили военный транспорт из Америки. Мчались санитарные поезда. Железная дорога жила уже по военным законам. Один раз санитарный поезд остановился напротив нас, и вдруг мой провожатый говорит:

- Осиповна, а тебе бы тоже в ту сторону надо, ведь ты же медик. На фронте больше пригодишься, чем здесь. Не хочешь с ними поехать?

- Да ты что? Это ж побег!

- А кто тебя искать-то будет? И не вспомнят даже.

- Ну, а с тобой что будет?

- А я напишу, что на такой-то станции ты была снята со службы и поехала дальше.

- А если узнают? У меня же сын есть...

Поехали дальше. На рынках уговаривали, взывали к торговцам, чтобы давали нам молоко, хотя бы по кружке, бесплатно. Многие соглашались без лишних уговоров. Везли мы рижан: золотых дел мастеров и часовщиков. Почти все они были евреями. На 13-й день нашего путешествия меня оставили на станции Решеты, а их повезли в ближайший лагерь. Дальнейшую судьбу этих людей я узнала через год. Никакой комиссии создано не было. Просто свезли их в глухой лагерь в Красноярском крае.

Попала я в лагерь для "бытговиков". В клубе был рояль, на котором играл прекрасный пианист, по-моему, еврей. Лицо помню, помню, что москвич. А вот имя выпало из памяти. Потом был Энкель - брат премьер-министра Финляндии. Инженер-бумажник Ян Энкель числился начальником планового отдела на три небольших лагеря. Запомнилась фамилия Ширвиндт: его как гитариста на трудные работы не посылали, и он в клубе руководил какой-то группой. Я тоже попросилась в клуб, так как надоела мне медицина, тем более, что медпункт был полностью укомплектован.

Получился оригинальный состав участников самодеятельности. Например, была там Евгения Евкова. Вот запомнились фамилии только некоторых. Талантливой оказалась прачка, красивая украинка с хорошим голосом.

Ну зачем мне возвращаться в Соликамск, когда здесь такой чистый лесной воздух, никаких заводов поблизости, да и начальник поощряет художественную самодеятельность? Но все же записали меня за больницей, где была неприятная врачиха, а потом передали в кабинет зубного врача Алеши. Ему огромное спасибо: многому научил меня. Швед по национальности, он временно жил в Москве. Вот и очутился вдаль от нее.

По одному выуживали мы людей, желающих петь, любящих музыку. А Евкова очень быстро освоила танцы - талант. За короткое время подготовили мы концерт. Главное, что у нас было - рояль. О, если бы в Акмолинск нам рояль или гитару. Сколько там талантливых людей томилось!

Всего две недели, как я приехала, а у нас уже вырос коллектив. Стали работать над песнями, а все забывается: один помнит мелодию, другой слова, третий - подзабытый конец. Я все записывала на ноты, и удалось мне через несколько месяцев восстановить "Натал-

ку-Полтавку". Начальник из Канска привез пару костюмов для мужчин, а мне мама еще в Соликамск прислала летнее платье, юбку с блузкой. Готовились к выступлению перед своими. Сначала был огромный успех, потом - море слез.

Через месяц помощник начальника нам объявил, что в субботу мы едем в Канск. Что ж, мы рады. Но только как же - без конвоя? "Без конвоя, - сказал начальник, - я один еду с вами. "Ну, мы тут совсем "носы позадирали" от гордости. А Евкова от меня ни на шаг не отходит и клянется: "То буду, если отойду хоть на шаг!" Из окна вагона решили мы считать, сколько вышек стоит вдоль дороги. И вот видим: то тут, то там среди огромных елей вдруг покажется вышка, и на ней солдат с винтовкой. Это что же получается: в Красноярском крае одни сплошные лагеря? Вдоль всего пути на Дальний Восток. А ведь казалось когда-то, что в Акмолинске мы чуть ли не единственные, взятые по ошибке. А тут вон по всей Сибири полно вышек, где за колючей проволокой такие же, как мы "ошибки". И мысль, к которой многократно приходилось возвращаться, пока она не стала убеждением, - "Ну какая же это ошибка?"

Вскоре приготовили мы небольшой концерт. Пели на языках, которые я знала: на украинском, белорусском, польском. Даже еврейский танец показали. Это произвело фурор, все НКВДэшники приходили со своими "дамами". Мы оказались пионерами увеселительных представлений. Сибиряки - народ-молчун, суровый по своей природе, песен не любит. А тут вдруг такая невидаль. Нам принесли целую корзину кедровых орехов, и начальник разрешил ее забрать. А одна женщина даже ведро молока принесла и напоила от души.

В 42-м меня перевели в женскую точку, где я должна была работать и жить при больнице. То был совсем другой мир. Девуцы обитали в двух небольших, черных от старости бараках с такими же старыми нарами. Занимались они в две смены изготовлением гвоздей. Это были деревянные гвозди для сапожных мастерских. Одно бревенчатое здание заселили "женами" из Литвы. Их барак стоял возле самой вахты. Так было безопаснее, ибо "милые девушки" могли в любой момент пустить в ход ножи.

Одна из этих девушек, красивая, кудрявая, попала ко мне в больницу.

- Почему такая агрессивность? - спрашиваю я.

- Когда хочется милого повидать, надо пришить кого-нибудь из начальства. Получишь десятку и отправишься в Магадан. А мне туда и надо, ведь дружок-то мой там!

А через несколько дней я проверяла санитарное состояние в малом бараке, где жили всего восемь женщин. Открыла дверь и остолбенела: вокруг стола бегают одна испуганная, а за ней с куском лемеха в руках другая. Она догнала первую и ударила ее острием в спину, а потом в затылок. Та упала, а напавшая села на нее и принялась добивать. Остальные шесть женщин сидят на верхних нарах и не вмешиваются. Я побежала на вахту, сказала. Оттуда пришли и отнесли убитую в коридор нашей больнички. Ее убийцу посадили в изолятор. Мне пришлось дежурить в коридоре, где всю ночь пролежала убитая. Я целую ночь простояла на ногах, так как заведующая из своей ком-

наты не дала мне даже табуретку. Так, до 6 утра, я была наедине с убитой. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами. А утром приходит часовой с вахты и говорит: "Эта стерва зовет врача, но только вас. Сказала, что ни с кем больше не станет разговаривать. Я пойду вместе с вами для подстраховки." Я вхожу: "Что тебе надо, паршивая девчонка? Целую ночь продежурила возле твоей подружки, а ты не знаешь покоя! Постыдилась бы!" Она вдруг бросилась меня обнимать: "Я же не знала!" Просила не сердиться на нее. Она выпила валерьянки, а я перекрестила ее, уходя. Та прямо опешила. Так мы и расстались. Солдат стоял рядом и радостно улыбался от того, что на сей раз все хорошо обошлось. Он всякое повидал и не зря боялся за меня. Нет, все, хватит с меня этих бандиток! Попросила вольнонаемного врача, тот согласился, и вот я снова среди хороших людей.

И снова потрясение. Было это в 43-м. Кажется, весной. Приходит начальник лагеря, разводит руками: "Посмотри на них! Что делать с новоприбывшими? Ума не приложу!" А поступили в наш лагерь 150 человек - столько же, сколько и в соседний. И все с болезнью, о которой я раньше и не знала. Пеллагра... То были какие-то тени, а не люди. Скелеты, потерявшие образ человека. Откуда такие? Говорят, из Ленинграда. Из Ленинграда? Так ведь это же мои земляки! Что делать? Бегу к начальнику:

- Мне срочно нужно молоко. Много молока.

О, это была тяжелейшая работа. Все тело болело, пот струился ручьями. Приходилось насильно вливать молоко людям в рот, а они кричали: "Фашисты! Что вы делаете?! Вы нас травите! Да разве можно при поносе молоко?!" За первую неделю унесли в покойницкую четверых. Нас клянут, ругают, особенно по утрам, когда приходилось брать каждого с двух сторон под руки, выводить во двор и прогуливать там его по воздуху по 15-20 минут. Ноги у наших пациентов подгибались, их буквально волочили по земле. Чего только ни приходилось от них услышать. Но мы упрямо прибавляли ежедневно по 10-15 минут. И вот уже ноги крепче наступают на ступню, а опухоль с ног уходит. И уже один санитар ведет больного, а через две недели люди сами начали проситься на прогулку и без принуждения пили молоко. К сентябрю заметно стало улучшение - выздоравливали наши больные через два с половиной месяца. У нас умерли 17 человек, а у соседей осталось в живых только 22. Я получила грамоту, но это не главное. Какое счастье было смотреть, как умирающие возвращались к жизни! Вот они уже и начинают походить на нормальных людей.

- А я веточку сорвала! - улыбается женщина, больше всех ругавшая меня.

- Молодец! Вот видишь, как хорошо. Я же знала, что надо было пить молоко!

- А я не знала.

- А за что вас взяли-то?

- За то, что Ленинград хотели немцам сдать.

- Это вы-то? Ленинград? Немцам? Как же это?

- Да очень просто. Стоишь, еле живой после работы, в очереди за хлебом. А хлеба-то две пайки на ладони умещается. Ждать надо часа три. Получишь хлеб, а он не пропечен, сырой. Ну вот однажды, не

выдержала и говорю: "Вы что же это, негодяи, делаете? Люди тут полумертвые стоят, а вы им сырой хлеб подсовываете!" Откуда-то взялись эти, из НКВД. "Что? Контрреволюцию здесь разводите? Хотите Ленинград немцам сдать?" Ну, и пошло, поехало. Десять лет и в "ворон". А из "ворона" в вагон. А за дорогу и понос, и температура. Вот и проклинаешь все на свете. И откуда эти в кожаных куртках взялись?!

- Ну, а как там Ленинград?

- Как, как... Да вот так! В блокаде город. Хлеба нет, топить нечем. Каждый день артобстрел, с неба бомбы падают. А за спиной стоит НКВД в кожаных куртках. Попробуй только пикнуть! Будь они прокляты!

Да, будь они прокляты! Нет им прощения. Ни на этом свете, ни на том. Я смотрю на ленинградцев, ломающих веточки и радующихся, что они могут это сделать. И вдруг замечаю, что не я одна наблюдаю за ними. Чуть поодаль стоит женщина и рыдает. Я узнала ее: это была жена начальника лагеря. Наверное, она оказалась просто добрым человеком. Но мне почему-то показалось, что она тоже имеет какое-то отношение к Ленинграду. Я очень хотела подойти к ней и спросить: "Вы тоже из Питера, да?" - но как-то не решилась это сделать.

От Алеши я многому научилась в лечении десен. На память он мне подарил набор щипцов и разные мелочи. Все, мол, пригодится. Как-то приходит начальник и просит осмотреть его родственника, у которого болят десны и идет кровь. "Пожалуйста, пусть приходит после шестнадцати, когда я освобожусь." И вот через пару дней ко мне является хорошо одетый мужчина, но со страшно запущенными зубами. Прежде всего мне пришлось заняться удалением камня, а это трудная и кропотливая работа. Я была рада, так как эта работа чисто физическая. Здесь не уколы с "неосальварзаном", когда при малейшем попадании под кожу происходит распад тканей. Не дай бог! Я очень боялась этого. А тут нужны были внимание и сила. Лечение происходит само по себе. И, конечно же, необходима гигиена и витамины. Я поняла, что этот человек побывал на Севере, в заключении. Боялась спрашивать, приходилось бояться. Уж если моего мужа и его брата, этих честнейших людей, можно было уничтожить, как крыс, то что узнавать и зачем! Ведь Фролов ясно мне сказал: "Уезжайте из Москвы со своим ребенком. Здесь ожидается "жаркое лето". Я пропустила мимо ушей такой прозрачный намек, и поэтому проехала еще раз по транссибирской магистрали...

Вообще-то удивительный этот уголовный мир со своими "законами". Я лечила их. Среди них было восемь человек, больных сифилисом: две девочки-воровки и шестеро парней, которые всегда вовремя приходили делать уколы. Они все с большим уважением относились ко мне, а главарь, Морозов, заверял, что я могу не закрывать медпункт, ибо никто не посмеет нарушить уговор. И вот получаю я от матери посылку. Дело было весной, поэтому чулки и летнее платье очень меня порадовали. Но работа есть работа, я открыла ящичек, поставила на топчан за ширмочку, а сама продолжила прием. Пришел какой-то незнакомый долговязый, записался и ушел. За ним была девчонка на очередной укол. Потом я приняла кого-то еще

и решила, что хватит на сегодня, ведь уже пятый час. Смотрю: ящик посылочный открыт, а платья в нем нет! Тут я расплакалась, и в этот момент входит Морозов:

- Что с вами, доктор?

- Да вот мать посылочку прислала с платьем, а его украла девушка, которая приходила сегодня на укол.

Он развернулся и помчался к баракам. Я подождала немного и ушла к себе. Утром, как всегда, развод. Морозов сосчитал свою бригаду и ушел, не глядя мне в глаза. После работы приходит с понурой головой. Я начала его успокаивать:

- То ли у меня еще украли! А вот живу и ничего. А теперь скоро и для меня ворота откроются...

- Ничего не могу понять: я ее бью без всякой жалости. А она не отдает, хоть ты ее убей.

- Да теперь уже и нельзя отдавать. Она же заразная!

Когда приблизился срок моего освобождения, я не могла работать, не могла спать. За неделю до выхода, т.е. 30 марта 46-го, на станцию Решеты меня привез сам начальник. Там я увидела своего пациента, которому лечила десны. Он был хорошо одет, поздоровался. Очень радовался за меня, помог купить билет, посадил в поезд, сунул в мою сумочку пачку денег и улыбнулся. Поезд тронулся. "Счастливого вам пути, доктор!" - услышала я на прощание.

* * *

Главные мысли о сыне и о том, как начать новую жизнь? После моего исчезновения Юра попал к сестре мужа в Новосибирск, у которой младшая дочка была на год его старше. Он очень быстро привык к сестренке, а поскольку она называла свою мать "мама", то и Юра стал обращаться к Янине также. Сестра мужа, Янина, работала в детском саду в Новосибирске и могла по несколько раз в день их видеть. Как-то она пришла за детьми, чтобы забрать их домой, а Юра весь в слезах. Она присела, стала его успокаивать и торопить одеваться. А он не слушается, истерически плачет и тычет ей пальчиком в грудь и в лицо:

- А ты - моя мама?! Ты - моя мама?!

- Успокойся! Конечно, я твоя мама. А почему ты спрашиваешь?

- Мне няня сказала, что ты Анечкина мама, а моя мама ушла на фронт!

Когда пришли домой, Янина достала две фотографии - моего мужа и мою, приколотая их над Юриной кроватью. "Вот смотри, Юрочка - это твой папа, красный командир! А это твоя мама. Она доктор и ушла на фронт вместе с папой. Пока война не кончится, ты поживешь у меня. А сейчас, перед тем, как лечь спать, ты поцелуй фотографии и скажи: "Спокойной ночи, папочка и мамочка!" И каждый день, как научила тетя Янина, Юра, засыпая и просыпаясь, целовал наши портреты: "Здравствуйте, папочка и мамочка!" Но сестра заметила, что тегей Юра стал называть ее лишь после того, как они вернулись в Ленинград. Янина нарежет всем по ломтику хлеба, Юра возьмет, деликатно скажет "спасибо", а сам никогда не попросит. Вот как дуря-нянька поранила душу ребенка.

Но все это стало мне известно лишь потом.

Погода была хорошая, и я пешком шла по Невскому. Иду и оглядываюсь, будто воровка какая-нибудь. Думала ли я, что настанет день, когда с опаской буду ходить по родному городу? А может, вот этот за мной следит? А вот тот получил приказ меня задержать? Во всякие мифы поверишь.

Позвонила к Верженским-Лабецким. Сестра от неожиданности прямо упала на стул.

Она сделала мне знак молчать и повела в комнатку-кишку. Я за ней и вижу в кровати какой-то беленький скелетик. Янина подошла к нему и спрашивает: "Юрочка, посмотри сюда. Ты знаешь эту тетю?" Он сразу повернул голову к стене, где висели два портрета - мой и Адама. Еще раз головой туда-сюда. И вдруг как закричит: "Мама! Мамочка!" Кинулся ко мне на шею, целует, обнимает. И слезы ручьем! Бедное дитя! Как-никак живая мама приехала. Мы тут же сразу стали собираться. Юрочка только все спрашивал, когда же теперь вернется с войны папа.

Решила я ехать в Шатуру - там хоть на полу поспим. Вернулась в Шатуру с маленькой надеждой, что брат сходит к начальнику милиции и попросит прописать меня хотя бы временно, ведь я же с ребенком. И отец наш здесь похоронен, Москву защищал. "Пусть едет в Переяславль-Залесский. Это самый близкий поселок. В Шатуре я ее прописать не могу." Таков был ответ.

И начались мои мытарства по разным городам с матерью и сыном. Осень и зиму 46-го мы прожили в Крыловской Краснодарского края, весной тяжело заболел Юрочка и опять: куда ехать? что делать? Мой брат в Белоруссии, - наконец-то вернулся с войны, но все еще лежит в госпитале после тяжелого ранения, и домой к нему, в Москву, нельзя. В Ленинграде мне упаси боже появиться, в Москве тем более. Дала телеграмму сестре мужа Гандзе в Куйбышев и быстро получила ответ. В Куйбышеве нас встретили родственники. Я была рада, что Юрочка сразу прильнул к дяде Казыку, о котором слышал много хорошего. Он был главным архитектором города, в котором еще до революции он построил здание вокзала, "дворянское собрание" и много другое.

С сыном я встретилась только летом 48-го в Витебске, на папиной родине. Там жили мы с 14-го года, а теперь поселился мой брат Адольф, выписавшийся из госпиталя. Здравствуй, город моей юности! Может, здесь обрету я покой и утешение? Хотя, как знать, как знать... Не узнаю ни улиц, ни тем более домов. Много исчезло с лица земли, осталось лишь в воспоминаниях. Как буду жить здесь? Не стеснут ли меня теперь ловить как "шпионку"?

Сначала мне помогли устроиться на Домостроительном комбинате, да еще в отделе кадров, где постоянно кого-то искали. Вскоре в отделе сменился начальник и пришлось убраться оттуда потихоньку, благодаря судьбу за то, что не отправили в какие-нибудь "отдаленные места". Пошла работать в клуб. Что? Жена изменника Родины по клубу разгуливает? Вон! Устроилась в другое место, но и там больше месяца не продержалась. Потом пошла счетчики проверять. Ишь, куда ее спрятали. Вон отсюда!

Все эти мытарства длились три года, вплоть до весны 51-го. Я измучилась. Невыносимо смотреть, как страдает мать, как переживает за меня сын. Мои сядут днем без меня обедать, и мама, сама не доев, обязательно скажет: "Юрочка, ты все не кушай, маме оставь." "Да, конечно, это маме." Я приду: "Что-то вы сегодня плохо пообедали." А они улыбаются: "Да что ты, мы наелись." Потом уже я стала замечать...

Вот когда в полной мере почувствовала я себя отверженной. Никому я не нужна, кроме матери и сына. Может, лучше оказаться на дне Двины - благо, там места много? Жаль только моих, но несчастья-то их все происходят из-за меня.

Но в минуту горестных размышлений мне вдруг пришло на ум, что могила вовсе не единственное место на земле, где я могу существовать. От этой мысли меня сначала бросало в жар и в холод, но потом я поняла, что это вовсе не бред. Хотя, если бы мне пришло такое в голову там, куда мне вдруг захотелось снова попасть, я бы решила, что сошла с ума. В один прекрасный день, когда меня выгнали с последней работы (я выметала опилки из цеха), решила сделать этот шаг... Чего я боюсь? Что меня арестуют? А разве здесь не тюрьма? Какая разница, где мне быть - тут или там? Вот приду завтра, куда следует, и скажу: "Я не могу больше так жить". Возьму своих с собой. Встроим и будем там жить. А что плохого в лагере-то? Если работаешь, есть какой-никакой кусок хлеба, что здесь не каждый день имеешь. Правда, уголовники могут убить. Но не убили же. Глядишь, и на сей раз помилуют. К тому же и уголовники разные бывают.

Помню, выходя на развод, я стала подумывать о том, как облегчить жизнь лесоповальщикам, чтобы не приходилось им прибегать к "замастыркам" ради нескольких выходных дней. Как-то поговорила с начальником: "Давай, попросим бригадира, чтобы он разрешил давать своим возможность отдохнуть по очереди". И начальнику это понравилось.

Находясь на делянке, я как-то попросила топор, чтобы не замерзнуть, и начала обрубать сучья. Вдруг: "Доктор, доктор!" Я, насколько позволял снег, постаралась поскорее прибежать. Смотрю: молодой парень отрубил вместе с сапогом часть своего большого пальца. Я с ходу дала ему по морде, а он улыбается: "Давай, доктор, зашивай!" Прибежал бригадир мне помогать. Иглы, лигатура и спирт всегда были в сумке у дежурного. Когда я была не в состоянии вытащить иглу через кожу подошвы, вернее, через нижнюю часть пальца, он сам тянул эту иглу. Мороз был градусов тридцать, а это значит, что обстановка стерильная. Не успела все упаковать, как опять кричат: "Колька срубил кусочек ноги!" Ну, это уж просто безобразие! Но он стал оправдываться: "Вы только посмотрите, какие обледенелые бревна. Когда срубаешь сучья, топор страшно скользит". Что ж, зашила и этого. "Будь здоров, голубчик!" Первый еще и пошутить вздумал: "Ишь, как мне, так по морде, а как Кольке, так "голубчик"."

Вообще я раза четыре выходила с лесоповальщиками. Ни ругани, ни единого плохого слова услышать мне от них не пришлось. Только песни раздаются да крики команды. А как меня только ни пугали, когда собиралась с ними идти. Единственная неприятность, которая

там произошла, заключалась в том, что я потеряла калошу с валенка (ее мне прислала мама вместе с шапкой с длинными ушами). Поискала сама, чтобы никого не задерживать. Увы, разве в такой массе снега найдешь. Думала, завтра отыщется. А на следующий день там трелевщики прошли. Так и пропала моя калошка. И ведь говорили мне "спасибо", и с уважением относились к своему доктору. Удивительный народ!

Это было в Соликамске. Да и под Красноярском пришлось с уголовниками поработать. Страшный, неизвестный мир со своими законами и порядками. Думала ли я, что разговор такой будет возможен:

- Слушай, доктор, а мужик-то твой где?

- Где? Да тоже в лагере каком-нибудь, если не убили его.

- Если он в лагере, то его можно найти. Он у тебя кто?

- Генерал.

- Ну, если он такой знаменитый, то может быть на Колыме. Все генералы там. Я тоже туда собираюсь, так что, может, найду его? А если не найду, то кто-то там есть, кто про него знает.

- Но мне-то все равно нельзя будет ничего передать.

- О, способов передачи много. Вот получишь послание и сразу поймешь, что оно к тебе.

И ведь действительно получила! Только фамилию написали по-другому. Может, в целях конспирации, может перепутали просто. Но это о нем, я поняла сразу. На маленьком клочке бумаги кривыми буквами было написано: "Вержиковского больше нет". Вот и получила я похоронку на мужа. Первую, задолго до официальной. Да, я знала, что не могли его оставить в живых, хотя где-то в глубине души еще надеялась.

Так что и с уголовниками рядом порой можно пожить. А уж среди политических и подавно не почувствуешь себя отверженной, изгоем общества. И, может быть, только в зоне и встретишь порядочных людей. Так что же бояться лагеря? Идти надо туда, ибо только там твое место.

Поговорила с матерью. Старушка, всхлипывая, произнесла: "Что ж, поехали, дочка. Работать там будешь. Может, и я еще на что спожусь." Начала собирать чемоданы. Да, надо ехать. Тогда я готова была бежать куда глаза глядят, хоть в лагерь, хоть к чертям в ад, чтобы не видеть больше эти рожи - наглые, бесстыжие, ухмыляющиеся от сознания собственного превосходства. Сколько их, этих чиновников, "стражей порядка", с партбилетом вместо сердца и уставом ВКП(б) вместо мозгов! Этот поучающий голос, заставляющий тебя понять, что ты ничто и твое дело - лишь покорно слушать и в такт кивать головой.

И вот день, когда, лишившись последней работы и вместе с тем средств к существованию, я помчалась в бывший губернаторский дом, в НКВД, и с криком, со слезами, в истерике, стала стучаться в двери. Я кричала, что хочу в лагерь, пусть туда забирают всех троих, иначе я утоплюсь в Двине. Вышел какой-то полковник: "Что такое, в чем дело? Это кто тут хочет в лагерь?" А я продолжала кричать, что утоплюсь на их глазах, благо место удобное. А мою мать и сына они тронуть в квартире не посмеют. Полковник схватил меня за руку,

требуя прекратить истерику. Но я не унималась и кричала: "Вот моя трудовая книжка. Да, я была в лагере. Работала там. И хорошо работала. Таких же несчастных, как сама, людей лечила. Ходила на лесоповал. Меня даже уголовники уважали, не то, что здесь, на свободе. Я пять грамот имею. А теперь меня гонят ото всюду, как собаку. Даже столярный цех подметать я не гожусь. Это после того, как я двадцать лет на учебной скамье просидела. У меня за плечами Ленинградский университет, я бы Московскую консерваторию закончила, если бы мне не помешали. О государственном праве представления имею и вижу теперь, какое право в моем любимом Витебске." После моей тирады он небрежно, за рукав, подтолкнул меня к двери. Я сказала напоследок, что, между прочим, пришла сама. Забирайте. Вместе с матерью и сыном. Хуже, чем здесь, уже не будет!

И вот сижу у него в кабинете. И странное дело: впервые со мной начала разговаривать по-человечески. Это что-то новенькое. Тебя пинают ногами, обливают грязью, унижают, а ты принимаешь это за должное. А когда разговаривают с тобой, как с человеком, ты считаешь это чем-то сверхъестественным. Он спрашивал, где я была и что умею. "Хорошо." Потом взял мой паспорт и трудовую книжку и велел прийти через четыре дня по такому-то адресу. "Больше волноваться не надо: я подберу вам подходящую работу." И точно: мне повезло. Оказалось место в Облпотребсоюзе, в орготделе. Там я сразу и самодетельность организовала, чтобы музыку не забывать. Мне очень хотелось поблагодарить человека, оказавшего мне помощь в трудную минуту, но я не успела этого сделать: через несколько месяцев позвонил его 12-летний сын и сказал, что "отца не стало". Господи, и этого забрали! Да где же конец?!

А в Витебском Облпотребсоюзе я проработала более шести лет.

Как-то в марте прибегает брат Адольф (а было дело в 53-м году): "Быстро включайте радио!" Я включила симфоническую музыку.

- Ну и что?

- Да ты слушай, дальше слушай.

По радио все звучали и звучали симфонии, сменяя друг друга. Больше ничего не передавали. И вдруг крики, рыдания: "Сталин умер!", - заплаканная соседка всбжала в комнату: "Господи, вы слышали? Что же теперь делать-то будем?" Мать подошла к стене, на которой висела икона, прекрестилась и сказала:

- Молиться надо.

Я тогда считала денечки, когда будет реабилитация, ведь тиран в гробу, и я смогу с нормальным паспортом вернуться в Ленинград. О, эти годы гонения!

В 57-м получили мы двухмесячный оклад за нашего Адама Ивановича. Последнее утешение по поводу потери самого близкого человека, замученного, расстрелянного. И нет на земле даже его могилки, куда можно было бы прийти и погрузиться. Зарыли его где-нибудь или сожгли, рассеяв прах по ветру? Это мне не узнать никогда. Смогу ли я оставить память об этом замечательном, кристально чистом человеке, который никак не мог выжить в обществе, где ум, талант и порядочность стали несовместимы с моралью государства.

Военкомат выделил мне пенсию за мужа в размере 78 рублей.

Верженский был полковником всего два месяца перед тем, как его арестовали, и заслуживал не полковничьей пенсии, а генеральской. Он был генералом 7 лет, а на "стажиронку" в чине полковника его отправили лишь потому, что им так легче было с ним разделаться. Когда я возмутилась и хотела обратиться к военкому по поводу заниженной пенсии, тот даже меня не принял.

И вот, наконец-то, наши мытарства кончились. Мы в Петергофе, рядом Ленинград.

Наверное, 56-57-й годы были самым счастливым временем в моей жизни после того, как в памятный апрельский вечер 38 года переступила я порог Лубянки.

Меня радовал сын: как и в школе, в институте он учился "на отлично". Выбрал профессию отца - инженер-железнодорожник.

Но в Петродворце в "культпросвет" боялись принимать бывшего лагерника. Наконец, мой сосед по городку, демобилизованный полковник, пошел работать в детский туберкулезный санаторий директором и устроил меня там библиотекарем. Ну, тут я показала и райкому, и райисполкому, как работают бывшие лагерники, кого они 5 лет боялись пустить в советские учреждения. За четырнадцать лет передо мной много прошло детей, которые выросли на моих глазах, а некоторые из них стали знаменитыми.

Бывшая моя певунья, Таня Новикова, в Мариинке сейчас поет, может, иной раз и обо мне вспомнит... С доски почета мой портрет не снимали, даже ТАСС меня снимало, в газете статья была, озаглавленная "Лоцман в книжном мире". До сих пор в Петергофе помнят меня.

Однажды я приехала в столицу, и мы с Машей Федоровой пошли на Новодевичье кладбище... Полюбовались на монастырь, прошли по дорожкам кладбища. Кругом красовались памятники, каждый из которых - произведение искусства, особенно ряд генералов и ряд писателей, умерших после войны. И вот, наконец, мы у цели. Но, боже, что это?! Фотографии на земле, битые бутылки, горки мусора, окурки. "Господи, Маша, ты посмотри только, что они сделали с его могилой!" (Н.С.Хрущева). Мы кинулись руками собирать эти окурки, обрывки бумаги. Мы так увлеклись, что не обратили особого внимания на щелчки за нашими спинами, а когда обернулись, то увидели иностранцев, которые фотографировали нас. Уж не знаю, в какую там прессу мы потом попали. Привели могилу в порядок, положили цветы. Ведь он же людей освободил. Спустя несколько лет на кладбище появился памятник, выполненный Эрнстом Неизвестным.

В 75-м поменяла квартиру и живу по сей день в самом Ленинграде. В Петербурге была студенткой - в Петербурге доживаю..., в большом городе, славившемся некогда своей красотой, от коей мало что осталось.

Но я не хочу, чтобы жизнь моя была напрасной. Не желаю уходить, ничего после себя не оставив. Я не могу не рассказать о своей судьбе. Да, мне в жизни не повезло, и не только мне, а России, и изменить здесь что-либо уже невозможно. Но, может быть, мне все же удастся воплотить в жизнь свою мечту и рассказать людям о себе и самом близком для меня человеке, который будет со мной до тех пор, пока я не уйду. Надеюсь, что доживу до того дня, когда смогу увидеть

мою книжку. Ведь надежда, как говорится, всегда умирает последней.

Объявления

* * *

НИЦ "Мемориал" приглашает всех "соловчан" принять участие в традиционной ежегодной встрече 20 ноября. Дополнительную информацию можно получить в НИЦ по т. 246-19-28.

* * *

Историко-архивная комиссия "Мемориала" производит постоянный сбор документов, свидетельств, воспоминаний по истории политических репрессий в СССР. Мы собираем и сохраняем документы для архива, печатные материалы для библиотеки, экспонаты, фотографии, рисунки для музейной экспозиции. Приглашаем к участию в работе комиссии.

Комиссия ведет прием на Измайловском д.8 по четвергам с 18.00 до 20.00, телефон (ежедневно с 10.00 до 14.00): 246-19-28.

Наша задача - сохранить память об ЭТОМ прошлом.

Оглавление

<i>В.Иофе</i> "Мемориал" на пороге нового времени	3
От Санкт-Петербургского городского совета народных депутатов	4
Хроника "Мемориала" - лето 1993 г.	5
Наши ветераны <i>Е.М.Темкина</i>	11
Они не отступают!	12
<i>Р.Евдокимов-Богак</i> А судьи кто?	12
<i>Т.Косинова</i> Лекарства для "Мемориала"	15
<i>Т.Косинова</i> Акция искупления - служба мира	16
<i>Б.Ф.Янус</i> Министр временного правительства	17
Дни памяти на Соловках	21
<i>Т.Косинова</i> 37 лет спустя	26
Экспедиция на Соловки	30
<i>И.С.Вербловская</i> Экспедиция в Свирлаг	32
Памяти Феликса Перченка	37
Памяти А.С.Южелевского	38
Памяти Я.И.Верженской	39
<i>Я.И.Верженская</i> Эпизоды моей жизни	39
Объявления	58

Издание зарегистрировано региональной инспекцией по свободе печати и массовой информации 31 мая 1993 г. Регистрационный номер ПО432.

Издатель: НИЦ "Мемориал"

Редакционная коллегия.

Санкт-Петербург, октябрь 1993 год

Тираж: 1000 экземпляров

